

Сергей Черемнов

**Ипостаси
Евгения
Красносельского**

Биографический очерк

**г. Кемерово
2022 год ©**

Новая книга Сергея Черемнова «Ипостаси Евгения Красносельского» – биографический очерк о жизни и творчестве известного кузбасского журналиста 1970-1990 годов Евгения Борисовича Красносельского. Автору посчастливилось работать вместе с этим талантливым человеком. Очерк также рассказывает о жизни российского поколения этого периода, воссоздаёт конкретные факты распада СССР и непростого становления новой российской государственности.

12+

Ипостаси Евгения Красносельского (биографический очерк)
© С. Черемнов. – Кемерово, 2022. – 71 с.

Вместо пролога

Порой трудно было понять, что за кавардак в его голове. Казалось, она набита самыми невероятными знаниями, собранными из всех возможных и невозможных сфер жизни. Одно слово – эрудит! И он любил выдать-щегольнуть чем-нибудь таким, чтобы поразить собеседника. Он был настоящей ходячей энциклопедией – но не книжной, а живой, почти всегда бодрой и оригинальной.

Помню, как-то ещё в самом начале нашего знакомства Евгений продекламировал:

«В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что *опа есть...»

Потом спросил с серьёзным видом:

– Знаешь, кто это написал?

Я порылся в памяти, беспокойно так помялся-потоптался.

– Нет, – говорю, – не знаю. А что, должен?

– Конечно, – хитровато глянул Красносельский. – Ты же филфак кончал. Это же твой лучший друг-поэт написал.

Тут я совсем смутился. У меня из знакомых друзей-поэтов тогда были только двое – мои вчерашние однокашники Олег Курочкин и Женька Худобин. Кто-то из них? Не знаю. Стою, соображаю...

– Ну, старик, ты даёшь! – засмеялся Евгений. – Это же Пушкин! Это его эпиграмма на Дондукова-Корсакова. Тот в министерстве просвещения работал, был вице-президентом Академии наук, в

Главном управлении цензуры трудился. Говорят, был homo sapiens...
Не путать с homo sapiens...

И он от души расхохотался своим замечательным смехом, который ни с каким другим не перепутаешь – баритональный, с brutальной хрипотцой.

1.

Узнал о нём вначале заочно. Как-то читая номер молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса», наткнулся на материал на военно-патриотическую тему, подписанный «Е. Красносельский». Прочитал с удовольствием, да и фамилия запомнилась.

Не вспомню точную дату, когда мы увиделись с ним впервые. Определённо отложилось в памяти только, что Евгений с первой минуты знакомства взял такой тон, будто мы знакомы долгие годы. После этого жизнь действительно надолго связала нас вместе.

Он был старше меня на два года с небольшим – родился 12 ноября 1953-го. Но старшинством не кичился, держался на равных. И это давало психологическое спокойствие, уравнивало наши возможности, поддерживало в работе и в дружбе.

Мне случилось не просто знать, но и несколько лет поработать с Евгением Красносельским. Часто вместе ездили в командировки по Кузбассу. Больше других территорий он любил наезжать в Мариинск. Потому что там была его малая родина, жили его родители, друзья детства и юности.

Отсюда начинался путь Евгения Борисовича в журналистику. К газете его тянуло ещё со старших классов. Хотя и в точных науках, в математике неплохо преуспевал. В местной газете несколько раз публиковали заметки старшеклассника-юнкора Красносельского.

Поэтому после окончания в 1971 году мариинской средней школы № 7 для него не стоял вопрос: кем быть? Дальнейшую учёбу решил продолжить в Иркутске.

– С Евгением я учился с пятого по десятый классы. Все эти годы сидели за одной партой, дружили, поделился воспоминаниями о Евгении его школьный друг Гриша Ханзяров. Теперь, конечно, он Григорий Александрович. – Интерес к будущей профессии и у Евгения, и у меня зародил учитель рисования Иоганн Иозефович Баухник, который вёл ещё и два кружка – по краеведению и фотокружок. Нас с Евгением привлёк последний. Но Женя потом ещё увлёкся и писаниной и стихи начал писать.

Несколько раз в неделю после школы мы с нашей окраины доезжали с ним до центра города Мариинска. Отсюда Женя шёл в «Студию молодого литератора», а я во Дворец пионеров, где кружок вели профессионалы фотодела.

После школы он поехал поступать в Иркутский государственный университет. Я на тот момент решил отслужить в армии, в Забайкалье. В тех краях и произошла наша с Евгением встреча, когда я заехал к нему в Иркутск. О той поре на память сохранились снимки.

Я вернулся в родной город и связал свою жизнь с профессией фотографа. Работал в городской газете «Вперёд» и три десятка лет в Мариинском лесотехническом техникуме. Евгений же пошёл по журналистскому пути. Его любовь к Слову ещё тогда, во время занятий в фотокружке, перевесила интерес к фотографии. А, может быть, этот интерес определили встречи и общение с земляками, оказавшихся в Мариинске волею судеб, и Евгению захотелось постичь их жизненные истории и рассказать о них, используя и слово, и фотографию. Теперь с высоты своих лет могу уверенно сказать: мы с моим школьным другом Евгением Красносельским в профессии состоялись. Жаль только, что отмерено ему жизни было немного. Он любил людей: и родных по крови, и друзей, и тех, о ком ему довелось рассказывать на страницах газет...

По журналистским меркам Женя получил хорошее образование. При этом диплом ИрГУ по специальности «журналистика» № 301450, который ему вручили 1 июля 1976 года, был красного цвета – с отличием.

Не надо забывать и другое: в ходе обучения студент Красносельский проходил практику в родном Мариинске, в городской газете. Осваивал здесь, так сказать, прикладные основы профессии.

Хочу отметить, что это старейшая – среди городских и районных – газета в Кузбассе. В разные годы она выходила под разными названиями. Как только ни именовалась: «Известия Мариинского ревкома», «Луч красного солнца», «Пахарь», «Знамя коммунизма»,

«Заря»... Ныне – муниципальная газета «Вперёд». (Уверен, Женька не раз сострил по поводу этого имени, типа: вперёд – это вам не назад!).

Редакция в Мариинске – с устоявшимися газетными традициями. А как же! Первый номер «Известий Мариинского ревкома» вышел ещё в конце 1919-го. Её первым редактором был Павел Андреевич Аниконов. Уроженец Орловской губернии в 1897 году был сослан в Сибирь, и суровый край стал его второй родиной. Здесь Павел Андреевич создал первый на кузбасской территории народный театр, с местными энтузиастами ставил на сцене произведения Л. Андреева, М. Горького, Г. Успенского.

В 1909 году он издавал рукописный литературно-художественный, иллюстрированный альманах «Окрошка», где публиковались рассказы местной интеллигенции, учителей Мариинска.

Из известных лично мне именитых журналистов в мариинской редакции когда-то начинал лауреат многочисленных областных и республиканских творческих премий, многие годы отработавший потом в «Кузбассе», Александр Гаврилович Зайцев. Здесь в своё время «оттачивали перья» супруги Локоновы – Валерий и Нонна. Это они затем стали ведущими газетчиками и руководителями СМИ в Белово. Здесь сформировался легендарный редактор газеты города Берёзовского Владимир Денисович Чворо. Здесь начинали профессор, доктор философских наук Виктор Александрович Колеватов, редактор Новосибирского книжного издательства Яков Мефодьевич Кузнецов, социолог и публицист Владимир Николаевич Колюбакин. И известный мариинский поэт и писатель Иван Иванович Ефремов, и бывший редактор «Призыва» Михаил Александрович Подгорный, и ветеран журналистики Валентина Александровна Сеет, и многие другие.

Вот где огранялся талант Евгения Красносельского! Он пришёл сюда в те времена, когда мариинцы всем городом и районом читали свою любимую газету. В самобытной провинциальной окраине она была вне всякой конкуренции. Евгений вникал в секреты профессии, многому учился у мастеров пера старшего поколения.

Районным газетчикам в те годы дремать не давали: не менее 200 строк надо было ежедневно приносить в секретариат редакции. Бывало, если Евгений уезжал за материалом на весь день, то вечером привозил новостей на пару солидных корреспонденций и на три-четыре подборки типа «У нас в Благовещенке», «Вчера в Колеуле» или «В посёлке Дальнем», «Приметкино...», «Константиновке...», «Суслово...»

Редактор то «бросал» молодого практиканта на премьеру заезжей труппы, то – на село или стройку. И чаще всего у парня получалось хорошо выполнить задание, написать свежо и нестандартно. Как

считают журналисты-районщики, в такой «потогонной» обстановке, хочешь-не хочешь, обретаешь навыки профессионала-универсала.

Ветераны мариинской журналистики не зря отмечают, что в их редакции корреспондентов «смолоду приучали быть всегда и везде честными, порядочными, не боящимися ради правды лезть на рожон».

Вот что вспоминает Юрий Михайлович Усольцев, ветеран Кемеровского областного радио, которого называют «золотым голосом Кузбасса»:

– Ещё во времена нашей учёбы в Кемеровском институте культуры Володя Павлов познакомил меня с удивительным человеком – у них тогда в мариинской газете «Вперёд» проходил журналистскую практику студент Иркутского университета Евгений Красносельский. А с ним просто невозможно было не подружиться, что, конечно же, и произошло. Женя был страшно талантливым человеком, а вдобавок – отличным организатором. Он постоянно генерировал новые идеи и при этом просто вспыхивал ими, буквально как спичка!..»

Он искренне любил свою малую родину, её особый, неповторимый колорит, хорошо знал городскую историю, гордился ею.

Мариинск – сам по себе город интересный, архаичный. Выбивается из череды угольных поселений Кузбасса. Пошёл от Кийского села, которое насчитывает почти три с половиной столетия от роду. В 1856 году Кийский городок переименовали в честь Марии, жены российского царя Александра II. Император и сам побывал в этом месте, находясь ещё в статусе цесаревича.

Город стоит на оживлённом Транссибе. По красоте и самобытности он сродни деревянному Томску или даже Иркутску. Здесь что ни дом – то целая повесть.

Редакцию газеты в доме № 9, что на главной городской улице имени Ленина, в Мариинске знает каждый. Двухэтажное каменное здание конца XIX века. Когда-то оно принадлежало купцу Гуревичу. Евгений обожал бывать здесь.

– Смотри, – показывал он мне на главный фасад дома. – Видишь, какая симметрия?! А фронтоны – просто красавцы! А оконные наличники! Умели строить купчишки...

Когда мы с Красносельским бывали в Мариинске, всегда заходили в редакцию. По всему видно было, Евгения здесь любили, считали своим птенцом, высоко взлетевшим из мариинского гнезда. Местный творческий люд расспрашивал о столичных новостях, и Евгений с удовольствием, образно, как умел только он, расписывал подробности кемеровской жизни. А хлебосольный редактор Миша Подгорный, Михаил Александрович, никогда не отпускал без товарищеского ужина.

Семью Жениных родителей в Мариинске хорошо знали. В один из приездов Евгений затащил меня к ним. Обычно я отнекивался, останавливался в местной гостинице, отговаривался, что неудобно, мол, хлопотно, зачем беспокоить стариков...

– Кончай свои китайские церемонии, – однажды отмахнулся он от моих доводов. – Я им про тебя давно всё рассказал, как сообща работаем, передачи ведём. Они обижаются, что не заходишь в гости. Хотят хоть раз увидеть, кто это такой трудится вместе с их сыном-охламоном...

Так я оказался в гостях у Красносельских-старших. Впрочем, отыскать их дом было несложно. Всякий, кто хоть раз заезжал в Мариинск со стороны Кемерова, обязательно заметит две кирпичных пятиэтажки 1960-х годов постройки, справа, рядом с поворотом главной мариинской улицы – имени Ленина – в центр города. В одной из этих пятиэтажек и располагалась их простая, но уютная квартира.

Евгений гордился своими родителями и не стеснялся этого. Его мама, Тамара Ивановна всю жизнь отдала преподаванию в школе. Комфорт и чистота в доме – её трудолюбивых рук дело. Как, впрочем, и праздничный стол со всякими вкусностями и разносолами, что в начале 90-х было не так-то просто. Отец Борис Александрович – участник Великой Отечественной войны. Офицер, служил авиатехником в лётных войсках и полностью лишился зрения. Но это не мешало седому ветерану-орденоносцу находиться в курсе всех событий в стране, области, городе.

Посидели мы на славу. Подробно и обстоятельно обсудили с Красносельским-старшим и негодную политику, и развалившуюся экономику, и наши творческие телевизионные усилия, с помощью которых мы пытались помочь людям выжить в тех непростых условиях безденежья и бескормицы.

А пока мы – мужики – судили-рядили обо всём, мама Евгения всё поглядывала на сына с любовью, и если вставала из-за стола, то обязательно старалась прикоснуться к нему, положить добавки в тарелку.

– Кушай, Женя, кушай, сынок...

Трудные были в стране времена. Ветераны тогда остались без сбережений, которые откладывали всю жизнь, их пенсии тоже обесценились и приходили с опозданием. Работный люд оказался без дела и без зарплаты.

Выживать помогали по-советски скромные мичуринские участки, которые многие жители громко именовали дачами. Был такой участок и у Жениных родителей. В нём-то и заключался главный секрет их хлебосольства. Да ещё им помогали мариинские друзья Евгения. Один из них – директор опытно-производственного хозяйства «Кийское» Салим Исмагилович Миникаев. Забегая вперёд, скажу, что он не

оставил Женину маму и после того, как и мужа, и Евгения не стало. Помогал в уходе за посадками, поддерживал её, как мог...

Родина и родители – это для Евгения было свято. «Помнится, – поделилась ветеран журналистики Татьяна Павловна Микельсон, – Евгений не раз приходил на радио в отдел писем, в котором я тогда работала, с просьбой: поздравить отца-фронтовика с днём рождения или Днём Победы: «Старуха, прими мою заявку для концерта. Найди душевную песню для отца», – шутливо просил он».

2.

На старших курсах Евгений проходил практику уже в престижном издании – в «Комсомольце Кузбасса».

– Я тогда работал в отделе спорта у Льва Попова, – вспоминал заслуженный журналист, ветеран Кемеровского областного телевидения Геннадий Леонидович Мызин. – Приехал новый практикант, и начальник послал его в командировку в Междуреченск. Что это было! Женя, как человек впечатлительный, настолько очарован был всем, что увидел: и Поднебесными зубьями, и удивительными туристами, и фигурой главного местного турорганизатора Михаила Шевалье. Когда он вернулся, его просто невозможно было остановить – беспрерывно строчил тексты большими полосами формата А2.

Для тех, кто не знает: формат А2 – это газетная страница, размером со старую советскую газету «Правда», вмещает, наверное, не меньше полутора тысяч строк.

Очевидно, поэтому молодого выпускника ИрГУ и распределили в областную молодёжную газету «Комсомолец Кузбасса». В августе

1976 года его зачислили в штат редакции, и стал он специальным корреспондентом.

У кузбасской «молодёжки» в те годы был очень высокий рейтинг среди подобных региональных изданий, выходящих за Уралом. Редактор «КК» тех лет Борис Васильевич Синявский уточняет: «Это была крупнейшая за Уралом областная молодёжная газета. Тираж её был 140 тысяч, годовая подписка стоила 3 рубля 12 копеек – как бутылка ординарной водки».

Здесь тогда трудились признанные мэтры пера: Люда Якубик. (Б. Синявский: «Когда она представилась: «Якубик», меня так и подмывало ответить: «А я шарик!», – еле удержался, она выпускница журфака МГУ, строгая и требовательная»); Катя Печуркина; всегда полная идей и прямолинейная Вера Карзова; философски настроенный Евгений Багаев; удивительный Валерий Пирожников. И фотограф Василий Кафо. Кстати, с лёгкой руки Красносельского фамилию Кафо в редакции расшифровывали: «Качественная фотография»...

Общительный Женька в редакции быстро «пришёлся ко двору». Лёгкий на подъём, он никогда не отказывался от сложных тем или расследований по письмам читателей. Героями публикаций Красносельского становились спортсмены и артисты, шахтёры и хлеборобы, студенты и ветераны войны – всех и не перечислить. Писал и писал, зарабатывая, как говорится, имя настоящего газетчика. Читатели с первых же публикаций заметили его интересные, злободневные размышления, образный слог. Благодаря таланту и организаторским способностям в 1981-м его повысили до заведующего отделом рабочей молодёжи «Комсомольца».

Экс-редактор «Комсомольца Кузбасса» Борис Синявский в статье «Три моих кита», опубликованной в книге «Журналистика Кузбасса: строки истории», писал:

«...Женя Красносельский. Балагур, весельчак с очень острым словом. Когда Катя Печуркина назвала его «Сельский», он возмутился. Катя возразила: «Но ведь так короче». На что получила мгновенный ответ: «Тогда и я тебя буду называть коротко – Чуркина»...

Я же пока учился на филфаке Кемеровского университета и тоже мечтал о журналистской стезе, нередко сотрудничал с нашей «молодёжкой», выполнял задания суровой, но справедливой Людмилы Якубик. Это были репортажи о студенческих стройотрядах, заметки из университетской жизни, отчёты с комсомольских собраний.

Красносельского знал чисто визуально, сталкивался с ним в редакционных коридорах, но подойти не осмеливался. Поближе мы познакомились, когда он в начале 1984 года перешёл в главную областную газету – «Кузбасс», прочно «осел» в отделе тяжелой индустрии.

Я к этому времени уже успел поработать в прокопьевской горгазете «Шахтёрская правда» и с 1982-го стал собственным корреспондентом «Кузбасса» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району.

Нас, собкоров, было у «Кузбасса» восемь. Таштаголец Вениамин Иванович Лебедев, которого все почему-то звали Геной, междуреченец Петя Шабрихин, новокузнецкие Александр Антонов и Анатолий Цыряпкин, беловский Валера Локонов, ветераны – юргинец Геннадий Петрович Задорожный и мариинец Владимир Андреевич Карманов, кемеровчанин Валентин Алексеевич Калачинский и прокопчанин – я.

Руководил группой собкоров заместитель редактора Анатолий Игнатьевич Бельчик. Примерно раз в квартал он вызывал нас «с мест» в Кемерово на день-два – для подведения итогов работы.

Бельчик раздавал нам таблицы, где были сосчитаны наши газетные строчки за прошедший период и определено место каждого из нас в негласном соревновании собкоров. Хвалил, незлобиво критиковал, разбирая наши публикации. Давал новые задания. Наконец, отпускал «побродить по редакции».

Мы ходили по кабинетам, встречались с теми журналистами, кто работал непосредственно в «конторе», выслушивали их пожелания. Вот тогда-то мы и познакомились как следует с Женей. Он к этому времени основательно обосновался в отделе, который возглавлял Александр Гаврилович Зайцев. Мы, собкоры, работали с этим отделом теснее всего, практически ежедневно передавали сюда информацию «с сельских нив и угольных полей», как любил подчёркивать сам Александр Гаврилович.

А вечером, в гостинице, собкоры ещё дополнительно «укрепляли» отношения за общим столом. Там мы и сошлись с Красносельским ближе. Кажется, это он как-то раз назвал Александра Гавриловича «Гарилычем», вот и повелось. Мэтр не обижался, а только посмеивался и, предлагая очередной тост, частенько скрашивал его журналистской байкой, коих в житейском арсенале Зайцева было не счесть. Но и Евгений балагурил на журналистском застолье так, что будь здоров!

Позже он представился и моей второй половине – жене Галине. Этот случай запомнился хорошо. В начале 1986-го Союз журналистов СССР выделил нам бесплатную семейную путёвку на отдых в Международном доме журналистов – на берегу Чёрного моря в болгарской Варне. (Были в застойные годы в Советском Союзе такие льготы для пишущей братии).

Я тогда опять работал в «Шахтёрской правде», но уже главным редактором. А загранпаспорта надо было оформлять в Кемерове. В тот день мы с женой набегались по инстанциям, проголодались и решили поесть в столовой «Жаворонок», где давали комплексные

обеда – на Советском проспекте, рядышком с нынешним Союзом писателей Кузбасса. Только присели за столик, слышу:

– Привет, старик! – Женя подходит к нам с подносом. – Позволишь?

Уселись, едим. А он же, обычно, не может долго молчать, даже с полным ртом. Тем более, рядом – такое прекрасное соседство. Начал острить, рассказывать что-то интересное, смешное. Мы зафыркали от смеха. А он мне:

– Не познакомишь со своей красивой спутницей? А то, как говорит твой близкий друг: «И своя жена вольная, и чужая жена вольная – как подойдет!»

– Познакомься, – отвечаю ему. – Моя жена Галина. Галя, а это Женя Красносельский. Известный журналист, да ты его читала. А ещё он, как видишь, поговорить любит.

– Это бесспорно, – невозмутимо откликается жена. – А про какого такого близкого друга вы, Евгений, вспоминаете? – она-то ещё не знает приколов Красносельского.

– Как? – почти естественно удивляется Женька. – Да это же Михаил Евграфович написал, сам Салтыков-Щедрин. Ещё в 1876 году, в «Благонамеренных речах». Обязательно почитайте! – и смеётся, довольный произведённым впечатлением.

Мы в своё время познакомились и с его женой Татьяной, дочерью Ириной, маленькими сыновьями-близнецами Андреем и Евгением, встречались семьями. И всякий раз вспоминали этот Женькин «литературный приём»:

«Как говорит (или считает, утверждает, заявляет – в зависимости от обстоятельств) твой друг...» И следом за цитатой он называет известное имя кого-либо из великих мира сего...

Красносельский в «Кузбассе» был на хорошем счету. К этому времени в журналистской среде он заработал репутацию опытного «многостаночника» – это когда автор умеет отлично написать как большой очерк, так и любой другой материал, независимо от темы. Его часто посылали туда, где в Кемеровской области трудно продвигалось строительство очередного крупного объекта, или в отдалённый уголок, откуда пришло тревожное письмо и надо тщательно разобраться, чтобы помочь людям. Если нужно было написать толково и быстро – тоже поручали Евгению...

Когда в середине 1980-х в «Комсомольце Кузбасса» началась очередная смена поколений, областной комитет комсомола рассматривал несколько кандидатур на руководство редакцией. Такова уж участь «молодёжек»: здесь молодой пишущий люд быстро «подрастает и оперяется», желает «перетечь» в более солидное издание. Ничего не поделаешь, это жизнь с её творческими амбициями.

Борис Синявский возглавлял «КК» с октября 1979-го. Через пять лет в обкоме ВЛКСМ почувствовали, что пора ему «шагнуть» дальше – и в июне 1984 года он перешёл в «Кузбасс». Редактором «Комсомольца» поставили Петра Бугаева. А через три года место редактора «КК» снова оказалось вакантным. Вот тут-то в комсомольском обкоме и родилось решение назначить на этот пост Евгения Красносельского. А что? Возраст – самый подходящий: чуть за тридцать. Имеет хороший опыт: если считать мариинскую газету, успел уже поработать в трёх редакциях. Хорошо пишет. Пользуется авторитетом среди коллег. Ну, как-то так...

И в мае 1987 года Евгений стал редактором областной газеты «Комсомолец Кузбасса». Но решения «области» было недостаточно. Редакторов региональных «молодёжек» утверждали в Центральном комитете ВЛКСМ.

Именно этот эпизод отложился в памяти Татьяны Микельсон:

– Евгений подружился с моим мужем (Александром Юльевичем Микельсоном) на почве любви к спорту. А конкретно – к футболу. Иногда они с парнями собирались на школьном поле недалеко от нашего дома и играли в футбол. Бывало, к этой команде примыкал Олег Курочкин. После матча они приходили к нам домой играть в карты. Во что играли конкретно, не знаю. Но запомнилось выражение, которое время от времени повторял Евгений: «Сороковка, Шура, она и в тундре сороковка». Когда Евгения утверждали главным редактором газеты «Комсомолец Кузбасса», он для солидности попросил у моего мужа бережно хранимый портфель студенческих времён, чтобы съездить с ним в столицу. После утверждения в Москве Женя принёс портфель назад, предварительно позвонив мне и попросив спуститься во двор: «Заодно и мальчишек моих посмотришь». Родившиеся недавно в семье Красносельских сыновья-близняшки дружно посапывали в коляске...

3.

С приходом Красносельского областная «молодёжка» получила новый импульс.

– Женька всерьёз взялся за «перестройку» работы редакции, – припоминает заслуженный работник культуры РСФСР, почётный гражданин Кемеровской области Юрий Васильевич Дьяконов, который в ту пору работал в секретариате газеты «Кузбасс». – Он попросил меня провести анализ вёрстки и композиции «Комсомольца», помочь сделать газету более современной и востребованной...

В редакцию по приглашению Красносельского стали часто заходить известные в стране и области люди. Благо у Евгения было много

друзей среди актёров, музыкантов, писателей, художников, учёных, спортсменов. Например, водил дружбу с артистом Николаем Караченцовым. Чаепития и беседы журналистов со знаменитостями в редакции при нём вошли в моду. Как-то в редакции я увидел певца Гарика Сукачёва, который выходил из кабинета Красносельского. После этих встреч газета печатала интересные материалы.

Вторая половина «восьмидесятых» – это сплошная перестройка, объявленная М.С. Горбачёвым. Страна забурлила, понеслась в «горбачёвском ускорении» в неведомое будущее. Новому генсеку единственной в СССР партии первое время верили, думается, многие и журналисты. Всё острее, всё хлестче становились публикации в газетах и передачи по телевидению. Теперь в прессе открыто писали о том, о чём молчали предыдущие десятилетия. Хорошо запомнил эту эйфорию, сам испытал её. Журналисты бесконечно обсуждали пути и возможности вывода страны на новый уровень развития. Ведь на первых порах было абсолютно непонятно, что вслед за «перестройкой» последует полный развал.

Я переехал в Кемерово в июне 1987 года, на волне перестройки. Из редакторов «Шахтёрской правды» перевели в заведующие сектором печати, теле- и радиовещания Кемеровского обкома КПСС.

Партия ещё держала в своих руках рычаги политической и экономической власти в стране. Поэтому со знанием дела могу назвать точное число средств массовой информации, которыми в то период располагала Кемеровская область. Областных газет – две: партийная и комсомольская. Городских и районных газет – 30, все – печатные органы горрайкомов партии, горрайисполкомов и горрайсоветов. Многотиражек – 99, это газеты крупных предприятий, организаций и учреждений. Телевидение одно – областное Кемеровское ТВ. Ровно столько же радио.

И вся эта идеологическая база вскоре «затрещала по швам». Особенно это было заметно по областным редакциям. Внутри

творческих коллективов часто шли жаркие дискуссии о партийности, о роли СМИ, о социализме и капитализме. Некоторые коллеги начали заявлять: надо выходить из партии, создавать альтернативную прессу. Конечно, эти процессы не могли обойти стороной и кузбасскую «молодёжку».

Интересными воспоминаниями поделилась моя землячка-прокопчанка Надежда Малашенкова. Ветеран журналистики, она сегодня проживает в Белоруссии:

«В 1978 году я прибыла на практику в «Комсомольце Кузбасса» (училась на отделении журналистики в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ). В здании на Ноградской иду по длинному коридору. Вдруг, словно вихрь, пронесется мимо паренёк с футбольным мячом.

Многих сотрудников редакции знала давно, ещё будучи корреспондентом газеты «Сельская новь» Прокопьевского района сотрудничала с «молодёжкой». «Футболиста» же видела впервые. Оказалось, это Женя Красносельский. Его энергия была ключом, а футбол уже тогда был в приоритете. Конечно, не предполагала, что в будущем он станет редактором «КК», а я его заместителем.

Вместе мы работали недолго. Запомнилось: Евгений фонтанировал идеями, не любил сидеть на месте, часто ездил в командировки. И не только по Кузбассу. Когда в 1988 году разгорелся конфликт в Нагорном Карабахе, он, не раздумывая, поехал туда. Вернулся полный впечатлений, опубликовал корреспонденцию. Чувствовалось, печальные события принял близко к сердцу.

В стране шла перестройка, рушились привычные ориентиры, очень сложно было оставаться равнодушным, тем более ему. Кроме того, далеко не все перемены его радовали. И всё же он оставался оптимистом, видимо, следуя изречению: «Мир принадлежит оптимистам, пессимисты – всего лишь зрители».

По моим наблюдениям, Женя был прирождённым репортёром, обладал острым пером. Но административная работа не была его «коньком». И он, может быть подсознательно, иногда отстранялся от неё, отдавая предпочтение журналистике...»

Летом 1989-го в Кузбассе начались массовые забастовки шахтёров. Угольные предприятия встали. Площади горняцких городов заклокотали так, что мало никому не показалось. В солнечный июльский день с гранитного крыльца здания, где нынешняя администрация Кемеровской области, я видел, как площадь Советов заполняется людьми в чёрных шахтёрских робах. Потом горняки уселись прямо на горячий от солнца асфальт и начали митинг. И казалось, это «вече» будет идти бесконечно. Много дней подряд слушал митинговые переключки, маты, жаркий обмен мнениями, слышал, как освистывают разнокалиберных ораторов...

Под выражением «атмосферная турбулентность» обычно понимается ситуация, в которой самолет начинает очень сильно трясти. Так вот самолёт по имени КПСС на полной скорости приближался к этой самой турбулентности. Поскольку, я сам в этот период работал в обкоме КПСС, видел всё это, что называется, изнутри, отмечал, как кое-кто из работающих здесь, срочно подыскивает другое место работы...

Тем неожиданней прозвучала для меня в декабре 1989 года новость: Евгений Красносельский покинул редакторское кресло «Комсомольца Кузбасса» и перешёл на должность заведующего сектором партийной информации отдела организационно-партийной и кадровой работы Кемеровского обкома КПСС.

4.

Вскоре после этого мы встретились с ним в коридоре обкома. Он был серьёзным, даже непривычно хмурым.

– Ты тоже думаешь, старик, что я зря ушёл из газеты? – спросил он.

– Да нет, – уклончиво ответил я и пошутил. – Ты же взрослый мальчик, сам решаешь, как жить.

– Да, – согласился Евгений. – Устал я от той работы, решил переменить.

– Нашёл же ты тихое место! – снова подначил я.

Он заулыбался, однако не «завёлся», не стал, как обычно, спорить и доказывать свою правоту. Поговаривали, что из «Комсомольца» Красносельский ушёл в результате конфликта в редакции. Не в курсе, не знаю...

Знаю другое: организационно-партийная и кадровая кабинетная работа ему разонравилась очень быстро. Он начал часто пропадать в

кабинетах нашего сектора печати. Тут мы обсуждали последние новости из жизни СМИ. И планы строили.

После шахтёрских забастовок, которые основательно «тряхнули» СССР, партия решила создавать в обкомах пресс-службы. Была задача – через СМИ активнее рассказывать людям о политике перестройки, о переменах в стране, о работе партийного и советского руководства. Пресс-службу Кемеровского обкома партии поручили возглавить мне. Дело было абсолютно новое, ведь тогда – это не сейчас – пресс-служб ещё вообще нигде не существовало.

Узнав об этом, Женька тоже загорелся этим проектом. Тем более, предстояло снова стать ближе к привычной ему прессе. Он убедил руководство своего отдела, что в пресс-службе обкома от него будет больше пользы.

И должность мы ему придумали звучную: главный редактор пресс-центра ОК КПСС. Правда, с началом весны 1990-го в нашей пресс-службе трудились всего три человека, но зато каких: Евгений Красносельский, Александр Даньшин, ну, и я, конечно.

Заметки о партийной жизни, которые мы принялись писать для газеты «Кузбасс», уже ничего никому не могли дать. Люди их не читали. Зато рабочие комитеты начали большим тиражом издавать «Нашу газету», у народа она оказалась востребованнее других газет.

Тогда мы предложили идею: дайте нашему пресс-центру время на областном ТВ, чтобы выпускать регулярную информационную передачу. Ведь телевидение у населения пользуется большой популярностью.

Первый секретарь обкома Александр Григорьевич Мельников поддержал, похлопотал, и нам выделили полчаса эфирного времени в неделю, купили любительскую японскую видеокамеру формата VHS (типа – домашнее видео) и закрепили автомобиль для поездок на съёмки.

И ещё: закрепили за нами информационную «десятиминутку» раз в неделю, – на облрадио. Её, кстати, помогала готовить к выпуску редактор областного радио Тамара Зиндович: материалы наши, а обрабатывала и начитывала их для эфира – она. Тамара Алексеевна обязательно требовала, чтобы кроме сухих пресс-релизов мы в каждый выпуск присылали один-два «живых» репортажа.

– Учти, передачи должны быть интересными, – напутствовал меня Мельников. – Чтобы люди смотрели. Думайте самостоятельно, контролировать вас некому, да и некогда...

А нам и самим хотелось, чтобы было интересно. И мы с Красносельским и Даньшиным старались, как могли, делали еженедельную информационно-аналитическую передачу со странным названием «10 + 20». По задумке: десять минут новостей, в остальное

время – интервью, комментарии, мнения. Причём, репортажи должны быть из самых разных точек Кузбасса.

Тут пригодились и связи Красносельского, и его знание региона. Носились мы с ним по области, как угорелые: два-три дня в дороге, съёмки, день – на сценарий выпуска, ещё день – на монтаж передачи. И снова в дорогу.

Женька мог уговорить на интервью любого, даже того, кто категорически против ответов на вопросы. Тематика передач была самая широкая: политика, экономика, культура. И просто жизнь обычных людей с их проблемами и радостями. Монтировать программу нам неизменно помогала режиссёр Кемеровской студии телевидения Валентина Федоровна Кротенко.

Помню, как-то приехали с Красносельским в отдаленную татарскую деревню Серебряково, что в Тисульском районе, на самой границе Кузбасса с Красноярским краем. Побывать здесь посоветовал Женькин знакомец – кандидат экономических наук, преподаватель Вахит Шайхуллович Курмашев, который был родом отсюда.

Наснимали кадров большого, ухоженного поселения, его крепких крестьянских семей. Не хватало особой изюминки. И тут услышали про местного муллу. Решили – вот она хорошая «точка» для нашего «партийного ТВ-выпуска». Красносельский – за микрофон, я – за камеру. Нашли муллу – древнего, седого, бородатого старца. На эту почётную для деревни должность его избрали односельчане.

«Какая главная мысль заложена в Коране для верующего человека? – спрашиваем у него. «Молись и трудись», – отвечает 90-летний деревенский философ...

– Потрясающая концовка для выпуска! – как ребёнок радуется Евгений.

Так и вышло в эфир...

Нашу передачу заметили. О ней стали говорить и зрители, и специалисты. В исследовании рейтингов программ областного телевидения, которое провела социологическая лаборатория КемГУ, по опросам телезрителей передача «10 + 20» заняла третье место по «смотрибельности» – после новостей «Пульса» и чего-то там ещё.

«Комсомолец Кузбасса» сразу отреагировал на это. Обозреватель «КК» Дмитрий Сагара в газетном телеобзоре назвал нашу программу «Этот «жёлтый» телевизор», порассуждав с ехидцей, имеет ли право «партийное ТВ» позволять себе «общечеловеческие вольности». А мы-то всего лишь старались донести до зрителя принципы добра, трудолюбия, любви к родине и к ближнему.

Впрочем, и партийную тематику мы не выпускали из поля зрения. Например, многие партийцы возлагали надежды на последний – 28-й съезд правящей КПСС, который состоялся во дворце съездов (сейчас

– концертный зал Московского Кремля) в июле 1990 года. Нам с Александром Даньшиным случилось работать в пресс-центре этого события. Вели специальные радио- и телерепортажи для Кузбасского государственного теле- и радиовещания. Удалось даже записать телеинтервью генерального секретаря Центрального комитета КПСС М.С. Горбачёва, который, отвечая на наши вопросы, дал слово приехать в Кузбасс, к шахтёрам. Слова не сдержал...

Съезд шёл почти две недели. Женя оставался в Кемерове, делал всё, чтобы передачи пресс-центра выходили без срывов. Один работал за троих. «Как я вам завидую!» – кричал нам в трубку телефона.

Было чему завидовать. В те летние дни в Москве у нас с Александром получилось пообщаться со многими интересными людьми, с руководителями страны. Побывали в Белом Доме на пресс-конференции председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина. Он прямо на съезде КПСС заявил о выходе из партии. По этому поводу собрал журналистов в Белом доме на Краснопресненской набережной (сейчас Дом правительства РФ), в котором тогда размещался Верховный Совет. В ту пору этот Дом ещё не был расстрелян танками, не было вокруг него никакого забора. И мы совершенно спокойно попали туда...

5.

Многое в передаче «10 + 20» мы делали по наитию – так, как мы сами представляли себе новое телевидение. Нам хотелось учиться мастерству у специалистов современности. Однако телеакадемии ещё не изобрели, и телеакадемиков ещё не было.

Но лучшим среди лучших информационщиков страны по праву считался ленинградский журналист Александр Невзоров с его ежевечерними новостными выпусками «600 секунд». Их транслировали не только в Ленинграде, но иногда и в Москве. Народ «Секунды» обожал. И среди журналистов о них ходило много разговоров.

Говорили, когда наступало время вечернего эфира Невзорова, ленинградские улицы пустели: люди садились у телевизоров, чтобы послушать очередные откровения ведущего о событиях прошедшего дня. Всего за десять минут он успевал откровенно рассказать о «новом беспределе чиновников», обо всех авариях и пожарах, случившихся в городе за сутки, о новостях предпринимательства, при этом – «втиснуть» и комментарии местных депутатов, экспертов, очевидцев событий.

У кого же ещё учиться современному телеремеслу?! И мы с Красносельским в октябре 1990-го выпросились в Ленинград. Благо,

через Кемерово проходил регулярный авиарейс Владивосток – Ленинград.

Хочу подробнее рассказать про эту поездку, чтобы прочувствовать, как жила в те дни страна.

Из нашего обкома позвонили в Ленинградский обком, договорились, что нам в обкомовской гостинице бесплатно предоставят места. А на питание суточные выделили. Скромные, конечно, но с голоду умереть не успеешь.

Тяжёлые времена не щадили и наш «Аэрофлот». Через полстраны летели несколько часов. Но на борту выдали лишь по пачке сухих галет и по крохотной упаковочке сока. «Горячее мы давали где-то в районе Читы. Придётся вам потерпеть», – сообщила нам стюардесса. Что ж, мы к этому были готовы. Пересели в пустом салоне на задний ряд и достали свои домашние припасы...

Вечером, пока добрались до гостиницы, что на площади Пролетарской диктатуры – рядом со Смольным, начались «600 секунд». Стоим у стойки администратора, слышим, как телек голосом Невзорова рассказывает: «Сегодня председатель Ленсовета Анатолий Собчак отбыл с очередным визитом за границу. Поэтому нам не удалось найти на рабочем месте ни одного народного избранника, чтобы взять комментарий по поводу случившегося ЧП. Оно и понятно. Как гласит пословица: «Кот из дома – мыши в пляс».

«Вот даёт!» – думаем.

А администраторша нам недовольным голосом: подождите, мол, сейчас передача закончится.

Утром пошли в Смольный – в Ленинградский обком КПСС – он совсем рядом. Погода – дрянь: ветер задувает, мокрый снег идёт. Хотя, место грандиозное, историческое. Напротив входа бронзовый Ленин стоит на броневике, в левой руке зажал кепку, правую вскинул вперед. На одной из боковых площадок центральной аллеи – бюст Карла Маркса, слева от него – бюст Фридриха Энгельса. Женька не может без острот: «Борода у Карла побогаче будет».

Внутри широкий, бесконечный коридор, уходящий, кажется, за горизонт, с кабинетами по обеим сторонам. Ищем нужную дверь. Красносельский опять:

– У меня такое ощущение, что вот-вот откуда-нибудь покажутся Троцкий, Каменев или Зиновьев...

Не соскучишься с ним.

Нашли вход в музей-квартиру, где первое время жил руководитель Советской республики Ленин. Снимаем на видео широкий двухтумбовый письменный стол с зеленым сукном, лампу с зелёным колпаком абажура, бумаги, исписанные стремительным, малоразборчивым почерком вождя, односпальную кровать, печь...

– Можно, я сяду за стол, а Сергей меня снимет? – спрашивает Евгений у хозяйки музея.

Та чуть в обморок не упала:

– Ни в коем случае!

Красносельский разворчался: «Лучше бы не спрашивал. Сняли бы потихому».

Первый вопрос, который мы задали Юрию Павловичу Белову, секретарю Ленинградского обкома по идеологии:

– Как вы тут только работаете – среди всей этой истории и теней прошлого?

А он нас просит подробнее рассказать о шахтёрских забастовках. Потом резюмирует:

– Шахтёры всю страну всколыхнули. Ясно дают понять, что надо ускорять перестройку. Трудности переживём. Уверен, они – временные. Партию надо реформировать. А следом и страну...

Ладно, дискутировать не стали. Попросили помощи, чтобы попасть к Невзорову. И он помог: созвонился, договорился и машину выделил.

В ленинградском телецентре нас встретили, как родных, провели в редакцию передачи «600 секунд». Правда, предупредили, что у нас минут двадцать, ну, от силы, тридцать. Что вообще-то Александр Глебович редко встречается с коллегами, не любит давать интервью. Что работы много, ведь готовится вечерний эфир.

Сам Невзоров – молодой, лет тридцати, выше среднего роста. Вышел из-за стола представился, чаю предложил. Поговорили с ним о передаче, снимали его ответы.

– Я поставил перед командой задачу: завоевать информационное пространство, – поделился он. – Поэтому у нас в эфире идут и убийства, изнасилования, организованная преступность, фальшивомонетки. До нас в стране это ещё не показывали...

Особо подчеркнул, что на всю катушку использует объявленную Горбачёвым политику гласности. Сообщил, что «Секунды» особенно не любит председатель горсовета Анатолий Собчак. При этом «600 секунд» нередко помогают людям решать их проблемы, добиваются отставок негодных руководителей. Нам показали дверь, на которой, как на фюзеляже истребителя, можно увидеть звездочки. Ими обозначают высших чинов, которых убрали с должностей после выхода сюжета в «Секундах».

Над выпуском постоянно работают сразу несколько съёмочных групп. Норма в день для выпуска – 7-8 сюжетов. Сюжеты монтируются быстро. Тексты начинают писать уже в машине...

Первое время многих интересовала фишка с таймером на экране, который ведёт обратный отсчет времени. Даже спорили – успеет ли ведущий закончить прежде, чем на экране появятся четыре нуля. Поэтому многое приходится сокращать в угоду формату. Зато, в одну программу по 18-20 информации и сюжетов втискивают...

Высший класс! – оценили мы. Есть чему поучиться, хоть и коротким получился визит.

Отправились к выходу, спустились на первый этаж. Движемся мимо входа в главную студию, он – на первом этаже. Видим, возле большой массивной двери с круглым окном-иллюминатором толпится человек десять, большинство – в пиджаках и при галстуках. Наверное, здесь кто-то из высоких гостей? – предполагает сопровождающая нас помощница режиссёра. Отошла узнать. И вскоре подводит солидного мужчину.

– Председатель Ленинградского комитета по телевидению и радиовещанию Борис Михайлович Петров, – представляется тот. – Из Сибири, говорите? Из глубины сибирских руд, так сказать... Как у вас там, в провинции, работает телевидение? Наверное, спокойно и размеренно?

Мы ему: всяко бывает. Забастовки шахтёров, наверное, видели? Всю страну всколыхнули! Если судить по магазинам, то, как и у вас, ничего нет...

Оказалось, что у них сегодня на эфире – первый секретарь обкома партии Борис Вениаминович Гидаспов. Мы про него слышали – легендарный мужик, химик, академик, доктор наук, членкор. В 1986-м

был на ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Говорят, схватил там лишнюю дозу...

А Петров предлагает нам посмотреть, как у них работает главная студия.

– Сейчас, – говорит, – я вас представлю, подождите.

Через мгновение мы оказались перед статным человеком, поёживаясь под его внимательным взглядом. Руки Гидаспов держал за спиной.

– Как настроение у шахтёров? – спросил он.

– Настроение – не очень, – отвечаем.

– В капитализм их тянут, в рынок. А он в нашей стране невозможен, – уверенно заявил первый секретарь. – Задурили мужикам головы... Ладно. Как вам у нас? Может, просьбы есть какие?

Тут Красносельский, не раздумывая:

– Помогите съездить в Кронштадт! Это ведь закрытый город.

И на другой день мы гуляли по территории военно-морской базы, куда в те времена попадали только по спецпропускам...

На улице было холодно, северный ветер гнал по небу рваные низкие облака. Ночью шёл снег, под утро растаял, но кое-где белел на кромках луж. Сначала обкомовская «Волга» долго везла нас по набережным Ленинграда, пока не выбралась на Приморское шоссе.

Примерно через полчаса «уткнулись» в опущенный шлагбаум на КПП перед въездом на насыпную дамбу, которая уходила в водные дали Финского залива (тогда на остров ещё не было сегодняшнего великолепного асфальта). Патрульные с «калашниковыми» тщательно проверили письмо из партийного обкома, наши паспорта.

Слева и справа от дамбы, до горизонта, бежали волны Балтийского моря. И от этого казалось, что море может легко размывать эту неширокую полосу рукотворной дороги. Даже в салоне машины чувствовалось, что здесь холоднее, чем в Ленинграде.

В Кронштадте водитель показал нам на купол большого собора: «Это Морской Никольский собор. Его отовсюду видно. Городок небольшой, не заблудитесь. Машина будет ждать вас здесь часа через четыре».

Огромное тело собора производило гнетущее впечатление: купола были начисто лишены не только позолоты, но и крестов. Ободранные снаружи и внутри стены сооружения говорили о том, что оно давно переживает тяжёлые времена. Вход разбит, никаких дверей или входных ворот будто и не существовало.

Внутри было светло и пусто, холодный сквозняк лихо закручивал мелкие бумажки, сор и пыль. Пол завален обломками кладки, мусором, не было и намёка на иконы или иконостас на алтаре. Сквозь облупившуюся штукатурку стен кое-где угадывались грустные святые лики, проступали цвета росписи. Было ясно, что все реликвии и

церковное имущество из храма давно исчезли. Мы достали камеру и снимали собор внутри и снаружи. Остро чувствовались разруха и запустение в самом крупном когда-то морском соборе Российской империи.

Женька всё восхищался и досадовал:

– Вот это махина! Зачем же её разрушили?!

Вышли к памятнику Петру I. Фигура российского императора стоит спиной к городу – лицом к морю. Надпись на постаменте «Петру Первому – основателю Кронштадта».

Красносельский тут же вспомнил:

– Говорят, его взгляд направлен на Стокгольм. Я где-то читал об этом.

Стоим, обсуждаем: надо бы корабли поснимать. Всё же город военных моряков...

– Кто вам разрешил здесь снимать?!

Смотрим, к нам подступает тройка военных в морской форме. Повязки с надписью «Патруль», чёрные шинели в талии перехвачены ремнями. У офицера на голове фуражка с «крабом», на погонах – три звёздочки. У матросов на бескозырках надпись «Военно-морской флот». Суровые лица не обещают ничего хорошего.

– Кто такие? Почему ведёте съёмки? Кто дал разрешение?

Думаете, Евгений испугался? Ничего подобного! Он «сделал лицо» под простак и начал ёрничать:

– Господин офицер! Считайте нас простыми сибирскими валенками...

А «старлей» обиделся на такое обращение, резко поправил:

– Не господин, а товарищ офицер! – потребовал. – Ну-ка, предъявите документы.

Матросы потянули с плеча карабины.

– Всё-всё, парни, – Женька полез в карман за паспортом.

Офицер долго рассматривал наши паспорта, вглядываясь в наши лица, проверил прописку.

– Вижу, приехали из Сибири, – убедился. – А как проникли в закрытый город?

Начали объяснять, что мы – тележурналисты, находимся в Ленинграде в командировке по приглашению обкома КПСС. Разрешение на поездку в Кронштадт дал первый секретарь обкома Гидаспов, если знаете такого... Приехали сюда на обкомовской машине. На ней же и уедем обратно. Вот наши редакционные удостоверения.

Старший вроде бы немного смягчился:

– Ладно. Но всё равно, у вас нет разрешения на съёмку в закрытом городе. А корабли – это вообще военные объекты.

– Кто должен дать такое разрешение?

Старлей слегка растерялся:

– Ну-у-у, хотя бы председатель Кронштадтского горсовета Виктор Леонидович Суриков. Он из военных моряков. Если он разрешит, тогда другое дело. А пока требую засветить плёнку!

Я быстро сообразил, что к чему, подмигнул Красносельскому и заявляю:

– Сейчас, сделаем!

Открываю камеру, достаю видеокассету, открываю её крышку под внимательными взглядами военных: «Всё, плёнка засвечена! Вы только сориентируйте нас, в какой стороне искать этого Виктора Леонидовича?»

Лейтенант начертил нам ботинком на тротуаре, как пройти в горсовет. И патруль удалился. А меня Евгений насмешил, не забуду!

– Серёга, видеоплёнку же невозможно засветить...

Я ему:

– Догони, расскажи им. Я же сразу понял, что он видеотехнику в глаза не видел, – вот мы поохотали.

Нашли горсовет, приёмную председателя с улыбчивой секретаршей. Евгений её тут же обаял. И она призналась, что Виктор Леонидович занят, ведёт очередную сессию с депутатами. Мы сообщили, кто мы и откуда, что дело у нас срочное, а времени в обрез. Короче, с нас требуют разрешения городского начальника на видеосъёмку. Уговорили девушку настроичить и занести начальнику записку.

Через тридцать секунд она вернулась в приёмную:

– Сейчас сам выйдет!

Следом из кабинета к нам вышел высокий, широкоплечий, крепкого телосложения мужик. Про таких говорят: настоящий богатырь. Даже в короткой стрижке сразу угадывается «военная косточка». Спрашивает басом:

– Это вы – сибиряки? – и протягивает широкую ладонь. – Какие проблемы? Чем помочь?

Услышал наш рассказ, пожал плечами:

- Сроду никто таких разрешений не спрашивал. Давайте так договоримся – снимайте всё, что нужно. Если ещё кто-нибудь у вас разрешение будет спрашивать, скажите, что я лично вам разрешение дал. Пусть сюда звонят. Договорились?

И тут мне идея пришла:

– Вы же – военный?

– Ну, да. В отставке.

– А форма у вас имеется?

– На работе только китель с фуражкой. Брюки я домой унёс. Вам зачем?

– Мы должны взять у вас интервью. И надо, чтобы вы обязательно надели форму...

– А как же без брюк?

– Мы будем вас снимать до пояса, не о чем беспокоиться.

– Сдаюсь сибирякам, – он дурашливо поднял руки вверх. – Правда, раньше двух часов я не освобожусь.

А мы в один голос:

– Идёт! Только снимать будем на берегу, чтобы было море и корабли, – и договорились, где встретимся.

Наснимали мы в Кронштадте! Дом, где жил изобретатель радио Попов, где проживал моряк – герой-подводник Маринеско, памятник исследователю Новой Земли Пахтусову, Итальянский дворец с Итальянским прудом, одноэтажное здание Голландской кухни, корабли на рейде в Петровской гавани, башню маяка и много чего ещё...

Потом на безлюдной гранитной набережной расположились у бетонного куба, на котором стояли два перекрещенных корабельных якоря. Я только успел выстроить кадр с видом на военные корабли, подоспел Суриков. Он был хорош! Чёрный китель сидел на нём, как влитой, на голове капитанская форменная фуражка с якорем, позолоченным кантом на околыше и золотым ободком на козырьке. На плечах – золотистые погоны, на каждом – по три больших звёздочки. Только брюки, серые, «гражданские», вносили лёгкий диссонанс.

Он прошёл путь от курсанта училища имени Фрунзе до капитана 1-го ранга. Военно-морскому флоту отдал 30 лет, 8 лет возглавлял особый отдел в Кронштадте. В нём чувствовалась сила духа человека, который готов нести ответственность за свои поступки и слова.

Беседу вёл Красносельский, я – снимал.

– У нас говорят: город-форт, город-флот, – отвечал Суриков. – Поэтому в Кронштадте, как на корабле, должны быть порядок, чистота. Нам говорят – в бюджете нет денег. Мы предлагаем: давайте создадим свободную экономическую зону, она позволит привлечь в город инвестиции. На ремонт дорог асфальт возим из Ленинграда, а нужен свой асфальтобетонный завод. Новая котельная нужна. Нужен пункт сбора нефтепродуктов, сейчас с кораблей всё в море сливают. Но это же наше море, нам здесь жить! А сколько у нас соборов, в каком они состоянии, видели?! Хотим привлечь средства коммерческих структур для возрождения в Кронштадте православных святынь. Они же – душа нашей родины...

– А можете что-нибудь сказать нашим шахтёрам?

– Товарищи шахтёры, горняки! – торжественно начал было Суриков. Потом махнул рукой, улыбнулся. – Мы, кронштадтцы, – с вами! Понимаем ваши требования. Надо что-то менять в этой жизни. Только просим вас об одном: про себя обязательно надо помнить, но и о родине не забывать!

Обратный рейс у нас был вечером. В последний день этой памятной поездки мы долго гуляли по городу, по его центру. Прошли вдоль канала Грибоедова, где сквозняк гонял обрывки газет, пустые пластиковые бутылки, мелкий сор. Храм Спаса на Крови высился в конце улицы и было видно, как плотно скрывают его леса реставрации.

На фоне Казанского собора Женька задумал сделать стендап. Взял микрофон, я включил запись. Он энергично, с пафосом пересказал кое-что про наше путешествие. А закончил монолог, неожиданно продекламировав:

– А зодчий не был итальянец,
Но русский в Риме, – ну так что ж!
Ты каждый раз, как иностранец,
Сквозь рощу портиков идёшь...

Эффектно выдержал паузу, махнул рукой: «Это Осип Мандельштам. Вспомнилось внезапно. Выключай камеру...»

По дороге в аэропорт, умудрённые жизненным опытом, решили «затариться». Нашли «Гастроном «Петровский». Выбор товаров здесь был явно бедноват. Высились унылые горки консервов из перловой каши с мясом и «Завтрака туриста», тянулась цепочка трёхлитровых банок с томатным соком. В стеклянной витрине прилавка лежала картонная ячейка с тремя десятками ослепительно белых яиц по 80 копеек за десяток. И надпись рядом с ними: «Яйцо по талонам». Две тушки синих куриц по рубль шестьдесят за килограмм тоже снабжены предупреждением «Куры по талонам». Только обезглавленный минтай по 35 копеек за кило без ограничительной надписи. Ещё хлеб без талонов.

Евгений к продавщице:

– А если мы сегодня улетаем на другой конец страны, что вы нам с собой в самолёт посоветуете?

– А ничего, – охотно ответила та. – Вон инструкция, читайте.

На стене листок с заголовком «Выписка»: «Решением городского исполнительного комитета с 1 июля 1990 года реализация спиртного в торговых учреждениях Ленинграда переведена на талонную систему. На один талон полагается одна бутылка водки и две бутылки вина».

– А если у нас нет ваших талонов? Мы – приезжие. Может, как-то договоримся?

– Не договоримся! – твёрдо заявила продавщица. – Вас тут много, а я одна. И местом своим дорожу... Так что летите себе спокойно.

В общем, взяли мы хлеба, «Завтрак туриста» и – в аэропорт. В самолёте Евгений порылся у себя в загашнике. Вытащил завернутый в тряпицу кусок солёного сала, перочинный нож, бутылку «Портвейна 777». Стаканчики без проблем принесла стюардесса. Выпили, закусили и уснули.

...Не знали, что эта осень для Ленинграда станет последней. 6 сентября 1991 года решением Президиума Верховного Совета РСФСР городу вернут его историческое название Санкт-Петербург...

6.

Наши информационные выпуски заметили. Успех нас вдохновлял. Нам очень хотелось сказать новое слово в кузбасской журналистике. В какой-то момент в нашей пресс-службе начались разговоры о возможности создать свой областной телеканал – первое в Кузбассе негосударственное ТВ. Идею подсказал директор Кемеровского областного радиотелевизионного передающего центра (ОРТПЦ) Шая Гершкович Гандельман.

Если кто помнит, тогда в стране было всего два ТВ-канала – оба принадлежали Центральному телевидению (Москва). На них же выходила в эфир и областная государственная редакция ТВ – в отведённое ей вечернее время. Другого телевидения не было.

А Кузбассу повезло: директор ОРТПЦ Шая Гершкович – до своей эмиграции в Израиль (где его теперь уже не стало... Дай, Бог, светлой памяти!) – за счёт средств ОРТПЦ начал создавать третий, не зависящий от Москвы, областной канал ТВ-вещания. И построил. Но создал только техническую часть третьего канала ТВ. То есть новый

канал имелся, но простаивал, так как транслировать по нему было нечего.

Мы с Евгением Красносельским и Александром Даньшиным решили взяться за это дело. Вскоре зарегистрировали Товарищество с ограниченной ответственностью «Агентство информации Кузбасса» (ТОО АИК, название придумал А. Даньшин). Также к нам активно подключился руководитель кемеровского корпункта Западно-Сибирской студии кинохроники Юрий Романов.

Директором первой областной негосударственной телекомпании стал Евгений Михайлович Баранов, бывший замуправляющего делами Кемеровского обкома КПСС. Поначалу мою должность в АИКе назвали «Главный редактор телепрограмм». Но потом решили, что такие же должности будут и у Евгения, и у Александра. Чтобы демократия и равенство торжествовали у нас безо всяких ограничений и обид.

Кстати, хочу отметить, что без помощи обкома партии АИК мог бы не состояться. Под нашу телекомпанию выделили часть пятого этажа в главном здании обкома – на проспекте Советском, 62 (сейчас там располагается департамент информационной политики правительства Кемеровской области). Однако главная сложность у АИКа заключалась в том, что для производства телепрограмм не было профессионального оборудования. Пока что АИК «держался» лишь всё на той же единственной видеокамере бытового формата и паре бытовых видеомагнитофонов с самодельным монтажным пультом.

Обком обещал помочь с оборудованием. Хотя решить эту проблему оказалось нелегко. Технику можно купить только в Японии, но необходима валюта: несколько десятков тысяч американских долларов, например. Один доллар стоил чуть больше 60 копеек, однако валюту тогда в СССР свободно не продавали.

Где её взять?

«Ни один банк не даст такой кредит нашей компании!», – кипятился директор АИКа Евгений Михайлович Баранов, обходя в обкоме кабинет за кабинетом с заветным списком техники и доказывая бывшим коллегам, что только они могут помочь. «А где мы такую кучу долларов возьмём?», – разводили те руками.

Решение пришло неожиданно. В наш регион с инспекцией собрался секретарь Центрального комитета КПСС Олег Дмитриевич Бакланов. Он курировал космическую отрасль страны и предприятия оборонной промышленности, которых в Кузбассе было немало. И тогда первый секретарь обкома Мельников пообещал директору АИКа:

– Я попрошу его помочь вам с покупкой оборудования. Валюта у его ведомств есть, имеется и разрешение на выход на японский рынок. Но в ответ вы должны взять у Олега Дмитриевича большое толковое интервью и показать его, пока он будет здесь, чтобы он сам увидел...

– Сделаем! – обрадовался Евгений Михайлович. – Назовите время и место.

Провести судьбоносное для нашей компании интервью поручили мне. В обкомовских кабинетах составили вопросы, они были сухими и официальными. Мне они не очень понравились, хотел добавить кое-что от себя. Но директор отговорил в интересах дела. Впрочем, секретарь ЦК отвечал на все вопросы многоречиво и обстоятельно. Словом, помощь АИКу пришла: деньги нам выделили безвозмездно, заказали оборудование в Стране восходящего солнца, оплатили заказ валютой.

Баранов, завхоз АИКа Сергей Шатилов и я дважды ездили в порты Владивосток и Находка за японской видеотехникой. Потом мы её смонтировали, опробовали. Радости не было конца! Наконец-то АИК заключил с Кемеровским ОРТПЦ договор (о государственно-частном партнёрстве, как назвали бы его сейчас) на трансляцию готовых передач. И мы начали готовиться к запуску передач нового телеканала. При этом параллельно продолжали делать и «10 + 20»...

Когда в самом конце декабря мы на работе провожали 1990-й, Евгений, помнится, сказал тост:

– Год был тяжёлый, но интересный. Хочу, чтобы Новый год тоже был интересным, но полегче!

Мы все на это надеялись. Только не угадали.

7.

АИК начал телевещание сразу на всю область: Кемерово, Новокузнецк, Прокопьевск, Киселёвск, Берёзовский и другие города получали устойчивый видеосигнал на «третьей кнопке» ТВ.

Первый раз в телеэфир мы вышли к лету 1991-го. Большую и разнообразную программу называли «Вечерний видеоканал «Для вас». Здесь были новости, телеочерк, мультик, художественный фильм. Помню, как мы намучились с этим выпуском: трое суток не выходили из монтажной. Наснимали километры материала, и хотелось всё это «впихнуть»...

Всё делали неформально, учились на ходу. Например, перебивки с названием разделов программы писали на листе фломастером от руки, наклеивали лист на бок пластикового кофра и снимали перебивку. И она шла в эфир. Примитивенько? Да. Но необычно для времени, когда всё было до невозможности зарегламентировано.

Потом дело пошло быстрее. Передачи шли раз в неделю, длились по несколько часов.

Наверняка у кого-то из кузбассовцев остались в памяти позывные и логотип телекомпании «АИК», выходившей в эфир по субботним вечерам в начале 1990-х годов. Казалось, это смотрел весь Кузбасс.

Нас, телеведущих Е. Красносельского и С. Черемнова, узнавали на улицах и в общественном транспорте!

Помню, однажды в Новокузнецке стоим мы с Евгением на трамвайной остановке недалеко от кинотеатра «Коммунар», разговариваем. Вдруг женщина с противоположной стороны улицы кричит:

– Вот они, голубчики! – и напрямик к нам. – Мы их по телевизору ждём, а они по нашему городу ходят спокойненько. Вы только посмотрите!

На её возгласы начал подтягиваться народ. Пришлось нам, не дождавшись вагона, ретироваться пешком...

Наше телевидение на экранах региона, действительно, становилось альтернативой надоевшему официозу всесоюзных каналов. Нам с Евгением нравилось делать программы, где почти не было политики. В городах и районах мы находили и снимали талантливых, творческих людей, профессионалов своего дела. Делали репортажи, очерки, сюжеты о событиях культуры и искусства в Кузбассе, музыкальные передачи, телепоздравления, телевикторины для детей – это далеко не полный перечень разноплановых и занимательных проектов, известных телезрителям АИКа.

Завершались все наши вечерние программы мультиком и художественным фильмом из советской коллекции. И это смотрели. Семьями!

Однажды Кузбасская православная епархия передала нам мультсериал «Библия для детей». Гос-ТВ отказалось его показывать, а мы взяли с удовольствием. Да ещё с благословения епархии объявили детскую викторину по этому мультику. Начали получать вороха писем от кузбасских ребятишек. Епархиальные «батюшки» с трудом перелопатили всю эту почту, чтобы установить победителей.

Простые рабочие и жители села – рядовые кузбассовцы, политики и артисты, служители культа были героями и участниками наших

программ. Мы находили таких комментаторов событий, которых официальное ТВ себе не могло позволить, даже если бы и захотело. Хотя и чиновников привлекали к телепередачам, требуя от них только одного – говорить со зрителями не штампами, а простым и понятным языком.

АИК, нащупал свою нишу, у зрителей начал появляться интерес, в редакцию пошли звонки и письма нам, ведущим нового ТВ.

Нам говорили, что мы хорошо дополняем в эфире друг друга. Зрителям казалось, что спокойный Сергей и взрывной, начитанный Евгений сжились так, что водой не разольёшь. Хотя, перед любой передачей мы кропотливо разбирали предстоящий эфир, спорили до хрипоты, порой ссорясь и называя друг друга последними словами. Но перед телекамерой демонстрировали полное взаимоуважение.

Мы с Евгением вели новости, делали «стендап-переходы» от одного раздела программы к другому. Просто свободно разговаривали перед камерой, предваряя сюжеты, художественные фильмы и даже детские «мультки». Со стороны казалось, что импровизации не было конца. Хотя мы каждый раз осознанно выбирали тему. И часто придумщиком идей становился Красносельский, а вот «расписывать» их в сценарий приходилось мне, так как он не любил возиться с бумагами, считал это черновой, ненужной работой. Но ведь без «бумажной» подсказки, бывало, не обойтись.

Кстати, у нас была своя, очень своеобразная телестудия: небольшая комната под самой крышей здания обкома. Мы соорудили для неё выгородки. Здесь записывали комментарии наших гостей. Иногда – и ведущих видеоканала – Евгения и Сергея...

Только чаще старались всё делать не так, как принято на традиционном гос-ТВ. В наших программах не было устоявшихся теледогматов и помпезности. Иногда площадкой для нас – ведущих – становились то крыша здания обкома партии, то воды реки Томи с соответствующей пляжной экипировкой, то просто городская аллея. Один раз мы вели программу верхом на лошадях на ипподроме в Топкинском районе.

Кандидат наук Владимир Александрович Мирошник, а тогда просто Володя, прямо с кемеровской площади Советов давал для наших телезрителей экономические и политические прогнозы о развитии страны и области. И ему ничего за это не было...

Огромная популярность имела у нашей рубрики «Глубинка». Мы постоянно выезжали с Женькой в сельские районы и малые города, «откапывали» там необычных, интересных людей – мастеров любого интересного ремесла и через их судьбы рассказывали об истории и добрых традициях их малой родины.

Всё время искали какие-нибудь «изюминки». Красносельский без этого просто не мог.

Интервью у председателя райисполкома (по нынешнему – главы райадминистрации) Чебулинского района мы брали в жарко натопленной бане и в соответствующем бане виде. Пару дней пришлось уговаривать чиновника...

Директор картофелеводческого совхоза «Гурьевский» рассказывал нам на видеокамеру о своём житье-бытье за чисткой картошки. Целое ведро начистил, пока Красносельский вопросами душу ему «вынимал».

А сколько самодеятельных творческих коллективов мы записали и показали по АИК-ТВ! Им в те годы было ой как несладко. Многих бросили на произвол судьбы: мол, кому нужны ваши песни и танцы, когда страна трещит по швам?! Не хватало у области денег на их поддержку... Как же эти люди были благодарны АИКу! Чаще всего, мы снимали их выступления на природе – на живописном берегу, на лесной поляне, среди белоствольных берёз. Они наряжались в забытые, казалось бы, концертные костюмы. Чтобы было по-настоящему красиво! Мы убеждали их: держитесь, вы очень нужны Кузбассу!

Однажды к нам в АИК пришёл директор студии Кемеровского областного гос-ТВ Геннадий Михайлович Митякин. Долго ходил по нашим кабинетам, рассматривал технику, наблюдал за монтажом передач. Вздохнул:

– Вам-то хорошо... Вот если бы нам так разрешили работать...

В АИКе с удовольствием трудились телеоператоры Сергей Кузьмин, Валерий Макаров, Борис Зайченков. У нас начинали свою творческую карьеру тележурналисты Виталий Блынский, Слава Рыжевалов, режиссёр Надежда Разжигаева. Трудились режиссёр Александр Каретин, инженеры Виктор Петрович Скороходов, Пётр Рожнёв.

Помню, к нам заглянул радиожурналист Сергей Салтымаков, предложил создать в АИКе радиоканал. С его лёгкой руки и блестящего таланта АИК стал телерадиокомпанией. Под Сергея Николаевича оборудовали радиостудию. Его душевная радиопрограмма «Завалинка» собирала большую аудиторию.

Ради необычного кадра Евгений иногда придумывал такие трюки, которые и выполнить-то было трудно. Но если он чем-нибудь загорался, отговорить невозможно. Его упрямству, как и работоспособности, порой, не было предела.

Однажды в начале осени мы снимали сюжет об умельце из Яшкинского района, который своими руками построил быстроходный речной катер. Дело было ранним, очень прохладным утром. Мастер

дал интервью на берегу Томи. Мы снимали со всех сторон его катер. Потом он вдруг предложил:

– Может, хотите на водных лыжах прокатиться? Так у меня они есть. Предлагаю...

– Нет-нет, что вы! – поёжились мы с оператором Сергеем Кузьминым от утренней свежести и категорически отвергли любезное предложение.

– Как это – нет?! – вскинулся Евгений. – Я хочу! Серёга, сними меня как следует. Обязательно возьмём эти кадры в передачу.

Он разделся тут же, на каменистом берегу. Получил от мастера необходимые инструкции, уселся на деревянные мостки, которые вели к реке, опустил ноги в воду. Надел лыжи, взялся рукой за трос, другой – помахал нам на прощание и по плечи опустил в холодную воду.

– Готов? – слышалось с катера сквозь рокот мотора.

– Давай! – бодро крикнул Евгений.

Катер медленно отправился вперёд, трос натянулся, сдвинув Евгения с места. Тело его неловко мотнулось над водой и исчезло в пучине Томи. Это было так безумно комично, что мы с Сергеем упали от хохота на гальку. Хорошо, что камера стояла на штативе, а то технике пришёл бы конец... Хорошо, что и лыжи не тонут. Я думал, надорву живот от смеха.

Думали, холодная ванна Женьку успокоит и он откажется от своего замысла. Куда там! Он влез на мостки, встряхнулся, снова всунул ноги в лыжи. Катер тем временем сделал круг, снова принял исходную позицию в воде. Женька опять весело помогал в объектив рукой, трос натянулся, сдернул лыжника с места, и тот снова полностью исчез в волнах. Мы – хохотать. А упрямый Красносельский не сдаётся – идёт на третью попытку.

В общем, он сделал шесть или семь таких рывков. И – о чудо! – заскользил-таки за катером по водной глади. Сделал круг и снова упал возле самого берега. Но кадр вышел на славу. Когда мы просматривали эти съёмки в студии, народ угорал от смеха. И все пожали руку упорному герою сюжета Красносельскому. А я всё удивлялся: как он не заболел? Наверное, молодость брала своё...

8.

А страну лихорадило...

Правительство пыталось приспособить плановую экономику СССР к мировым тенденциям. Но ничего хорошего из этого не получалось. Плановый социализм порождал всё больше проблем, вместо намеченного ускорения большинство советских предприятий или «тормозили», или вообще останавливались. Чтобы хоть как-то выживать, заводы и фабрики, перешли на натуральный обмен товарами. Зарплату то и дело задерживали. В моду вошло слово «бартер».

Особенно болезненными были сбои с продуктами и ширпотребом. У магазинов стали привычными длинные очереди или пустые прилавки. Если что-нибудь и попадало в продажу, покупатели буквально «сметали» любой товар. На продукты и спиртное ввели талоны. На водку, например, давали два талона в месяц на одного взрослого. Впрочем, умеренно пьющим, как мы определяли свои потребности, хватало.

Народ в открытую костерил партию и правительство, система трещала по всем швам.

Нам и нашим семьям в этот период помогали выжить постоянные командировки в сельскую местность. Нашим детям: троим Красносельским-младшим и двоим младшим Черемновым, – постоянно требовалась еда, чтобы расти и развиваться. В ходе поездок нам удавалось купить в деревне то пороссячий бок или говяжью лодыжку, то банку мёда или молока, продукцию птицефабрики или овощеводческого совхоза.

В эти поездки Евгений всегда брал с собой огромный рюкзак. Вскоре об этом тряпичном, мышинного цвета, чуде Красносельского начали слагать легенды. В необъятного размера рюкзаке, кажется, умещалась

вся его жизнь, всё, что необходимо человеку на все времена года: куртки, ботинки, валенки, чашки, ложки.

Чего там только не было?! Женькин рюкзак часто выручал нас в дороге. Если хотели есть, Женька запросто «откапывал» в нём кусок сала и булку чёрного хлеба.

Если сильно старался, то находил в нём даже заветную «полулитровую ёмкость» с крепким напитком. Соответственно, он складывал в рюкзак весь свой натуральный «улов», который удавалось получить в очередной поездке. Так что этот рюкзак, как правило, занимал едва ли не половину багажника нашей машины. Зато семья в нелёгкое время чувствовала его постоянную заботу.

Вообще 1991 год для нас был наполнен событиями, работой, эмоциями и разочарованиями.

В центральной прессе только и разговоров было о том, что дальше так жить нельзя, что хочется жить по-другому. На окраинах страны полыхали кровавые конфликты. В ряде республик начали делать всё, чтобы выйти из СССР.

Но 17 марта 1991 года в референдуме «О сохранении СССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик» приняли участие 112 миллионов жителей Союза. И большинство сказали Союзу «да». Мы с Красносельским проголосовали также.

Посвятили референдуму несколько программ АИКа. И пусть в Армении, Грузии, Латвии, Литве, Эстонии и Молдавии проголосовали по-другому, – всё равно не верилось, что после однозначного волеизъявления людей страна развалится, разбежится по «своим» квартирам.

В этой связи вспоминаются ещё несколько наших с Евгением необычных командировок, в которые буквально «оттиснулись» беспокойные дни 1991-го.

...Кстати, некоторые из наших совместных с ним поездок позже стали сюжетами моих литературных новелл. Имена героев в них, конечно, изменены, но они очень узнаваемы.

Один из таких рассказов называется «Глубинка» – о том, как в мае 1991 года мы побывали в Риге...

9.

Поездку в Латвию организовал начальник управления культуры Кемеровского облисполкома Владимир Иванович Бедин. Каким-то образом в те дни ему удалось организовать Дни культуры Кузбасса в Латвии. Собрали большую делегацию. В её официальную часть вошли директор Театра оперетты Кузбасса Владимир Юдельсон, председатель областной организации Союза театральных деятелей, актёр Кемеровского драмтеатра Аркадий Дахненко. Была большая ватага: юные артисты из новокузнецкого театра детского творчества «Юность» со спектаклем «Питер Пэн», которых возглавлял руководитель театра Олег Павловец, и группа кузбасских предпринимателей, большинство которых я не знал, – эти сначала ехали отдельно от нас.

До Москвы мы долетели самолётом и там соединились со всей остальной делегацией, пересев на поезд «Москва – Рига».

Для меня до сих пор загадка: почему Бедин в качестве ТВ-журналистов пригласил нас с Евгением, а не бригаду, скажем, с областного гостелевидения. Бедин сказал, что ему виднее. Он был уверен, что никто лучше АИКа не снимет передачу про эту поездку. Владимир Иванович наобещал нам встречи и интервью: с министром культуры Латвии – своим другом Раймондом Паулсом, с народной артисткой СССР Вией Артмане, с вдовой писателя Валентина Пикуля, съёмки детского спектакля на сцене Рижского русского театра имени Михаила Чехова. И много чего ещё, что сами «нароем». У нас слюнки текли от предвкушения.

Первые признаки развала СССР мы увидели ещё в поезде. Под утро нас разбудил внезапно зажёгшийся яркий свет в нашем купе. Дверь резко открылась, и вошёл высокий молодой человек в незнакомой тёмной форме с большим фонарём в руке. Мы подскочили на полках, а он приказал с характерным прибалтийским акцентом в голосе:

– Приготовьте документы для проверки! – строгий, светлые волосы, холодные глаза.

Спрашиваем его: «Что это? Зачем?»

А он нам:

– Вы пересекаете государственную границу Республики Латвия! – отчеканил ночной гость. – Приготовьте документы или придётся пройти для выяснения личности...

А ведь мы не выехали за пределы СССР! Но кому же охота «пройти для выяснения...» Достали паспорта. Проверяющий неторопливо открывал один за другим наши документы, долго и придирчиво рассматривал, потом беспардонно направлял фонарик в лицо хозяину документа, сравнивая фото с оригиналом.

– А какая станция? – спрашивает Евгений, чтобы как-то разрядить возникшее напряжение.

Проверяющий направил на него фонарь: «Зилупе будет», – отвечает, делая ударение на первом слоге названия.

– А можно ещё спросить? – не понимает Красносельский. – Какая в Латвии сейчас валюта? Ну, то есть, какие деньги в магазине принимают?

– А у вас с собой какая валюта? – отвечает тот вопросом на вопрос.

– У нас советские рубли...

– Рубли принимают, – кивает проверяющий. – Есть ещё латы – это наша национальная валюта, – на слове «наша» он делает ударение.

Вот как...

Второй «звоночек» прозвенел следующей ночью.

Приехали в Ригу, разместились в гостинице «Латвия», ничего такого не заметили – встречают вроде бы доброжелательно. Собрались в нашей комнате на семнадцатом этаже, посидели долго и хорошо, «отметили» приезд. Евгений с Аркадием Дахненко, соревнуясь, бесконечно травили то журналистские истории, то театральные байки. Из окна любовались красивыми видами городских крыш. А потом решили погулять по городу. И никого не смутило, что уже второй час ночи.

Идём – куртки нараспашку – по ночному городу, пахнущему речной свежестью близкой Даугавы. Громогласно общаемся. Рассматриваем аккуратные улочки центра, вымощенные булыжником. Обсуждаем, что ночным улицам не хватает света тускловатых фонарей. Вышли на площадь к Домскому собору. Бедин с Юдельсоном рассказывают про

Ригу. Первый здесь часто бывал, у второго близкие родственники до 1940 года имели здесь в собственности неплохую недвижимость.

Вдруг слышим властный окрик:

– Вы что, с ума сошли?!

Стоят двое военных в советской форме: невысокий, кряжистый полковник и худой, высокий с погонами подполковника.

– А что такого мы делаем? – сразу заерепенился Евгений. – Никого не трогаем! Ходим себе, смотрим, обсуждаем.

– Вот именно, обсуждаете! – соглашается полковник. – Вы же говорите по-русски. Разве не знаете, что сейчас – 1991 год, и небезопасно в Латвии говорить на русском, да ещё так громко, ночью? Вам местные головы открутят, шлёпнут, и никто не найдёт!

Это оказались замкомандира рижского гарнизона советских войск Прибалтийского военного округа и его помощник. Возвращаются со службы домой. Рассказывают нам, что здесь сейчас много злых на Союз. Что у себя в гарнизоне они увольнения в город отменили. Офицеры ходят с работы домой по двое – по трое. «И вот с этим, – показывает полковник на висевшую на ремне кобуру. – Вот до чего дошло после зимних событий!»

Мы, конечно, струхнули. Рассказали, кто мы и зачем приехали. Далека, оказывается, Сибирь от местных проблем. Попросили проводить до гостиницы. И пока шли, военные поведали, как год назад Латвия объявила о независимости, а Москва, кажется, так ничего и не поняла. Их гарнизон в Риге оставили, никаких указаний из Москвы не дают: какой у наших военных теперь статус, как себя вести с местными властями?

– А мы перед поездкой в МИД обращались. Нас уверили: езжайте, там всё нормально, – удивляется Бедин.

– Как же! Нас здесь иначе, как оккупантами, не называют... – докладывают военные. – В прошлом году в Латвии создали параллельное правительство, декларацию о независимости приняли. И получилось двоевластие: они свои структуры назначили, и советские органы тут тоже продолжают действовать.

МВД Латвии подчиняется новому руководству, а вот рижский ОМОН сохранил лояльность Советскому Союзу. Из штаба Прибалтийского военного округа гарнизону твердят одно: не вмешивайтесь. А Верховный Совет РСФСР во главе с Ельциным сделал вместе с Латвией заявление: признаём, дескать, государственный суверенитет друг друга, готовы оказать конкретную помощь в случае необходимости. Какой там референдум о сохранении СССР?! Страна разваливается на глазах...

Несмотря на поздний час, военные зашли к нам в номер, и Красносельский уговорил их на небольшое интервью. Я снимал на видеокамеру.

«Питера Пэна» новокузнецкие дети играли при битком набитом зале Русского театра, что на улице Калькю (по-русски – Известковая). В большом, мест на пятьсот, зале яблоку негде было упасть. Все ряды заняты, в проходах наставили приставных стульев, всё равно всем желающим мест не хватило, и люди стояли вдоль стен. Нам с Евгением достался один стул на двоих. И мы по очереди снимали фрагменты постановки, рукоплещущий зал, крупным планом – радостные лица.

Зрители были самые разные. Одни разодеты в строгие костюмы и платья по моде, другие в демократичных свитерах и джинсах. Было немало детей. И все активно переживали за сценическое действие.

На выходе из театра нас окликнула немолодая женщина, которая сидела за столом под вывеской «Вахтёр».

– Вы откуда будете, голубчики?

– Из Сибири, – с охотой ответил Евгений. – Вот со спектаклем к вам в гости приехали.

– Хорошо, молодцы, – кивает вахтёрша. – Нас тут Москва совсем забыла. От местных только и слышим: «Захватчики!». А ведь я здесь родилась... Говорят, что и театр наш закроют, – чуть не шёпотом сообщает.

(Слава Богу, театр жив до сих пор...)

Вечером спрашиваем Бедина: как удалось полный зал собрать, тут без рекламы не обойтись?

– Вот именно, – ответил довольный Владимир Иванович. – А всё Раймонд!

И показал пачку газет, некоторые пестрили непривычными заголовками на латышском языке. Паулс дал команду местной прессе опубликовать объявление. Да ещё радио подключил. Молодец!

Потом Владимир Иванович договорился, и у нас получилось побывать в Минкульте Латвии.

Помню, мы с Женькой вошли следом за ним в огромный просторный светлый кабинет, в дальнем углу которого за широким столом сидел человек и что-то писал. Раймонд Паулс! В другом углу стоял чёрный рояль. На вид министр выглядел моложе своих пятидесяти пяти. Невысокий, плотный, в строгом костюме тёмно-серого цвета, волосы аккуратно уложены. Он пожал нам руки и с приятным латышским акцентом, чуть замедленно произнёс: «Готов ответить на ваши вопросы».

Мы с Евгением заранее договорились: я снимаю, он ведёт беседу. Усадили министра так, чтобы он был напротив объектива.

– Можно узнать, где вы это показывать будете? – спросил он, прежде чем Красносельский успел задать ему первый вопрос.

– Только у себя в области, по местному телевидению, – заверили мы его.

– Тогда спрашивайте. Только о политике не хотелось бы...

Первые вопросы Евгения были традиционными: где родился, когда начал заниматься музыкой? Паулс отвечал охотно, чувствовалось, что он уже не раз рассказывал свою историю. Вспоминал детство, юность, учёбу.

– Известность пришла ко мне, когда Лариса Мондрус спела русский вариант моей песни «Синий лен» – имя певицы он произнёс на латышский манер «Ларыса».

Сочинял для кино: фильмы «Три плюс два» помните? Или «Долгую дорогу в дюнах»? В семидесятые уже больше в Москве работал – с Ротару, Леонтьевым, Гнатюком, Лаймой, Пугачёвой... В середине восьмидесятых по инициативе Раймонда появился международный конкурс молодых исполнителей «Юрмала».

Министр разговорился, и Красносельский не пытался ему помочь, чтобы не спугнуть атмосферу этого монолога. Женька умел уловить это настроение в разговоре с собеседником, когда надо только кивать и поддакивать. Не лез с вопросами, не напирал на человека, как это теперь нередко принято в современной тележурналистике.

А вот когда Паулс высказался, приступил Красносельский. Спрашивал его о работе, о сегодняшней должности, о недавнем 55-летию. О том, как рождается у композитора музыка.

– Я к сочинительству отношусь с легкостью. Подхожу к роялю, наигрываю, импровизирую и нащупываю определенную тему. Это у меня с молодости, когда увлекался джазом. По нотам играть не люблю.

А Красносельский его понемногу к политике подводит: это же важно!

– Благодаря вашей заботе артисты Латвии получают поддержку. Помнят ли они, чем вам обязаны?

– Чепуха это всё, – засмутился министр. – Мне от них ничего не надо. Хотя стараюсь в нашей сегодняшней сложной ситуации защитить своих коллег – работников культуры.

Красносельский:

– Раймонд Паулс, наверное, всегда будет любимым композитором Советского Союза. Две премии Ленинского комсомола, народный артист СССР и Латвийской ССР. Не возникает ли у вас в порой ностальгии?

– Я всегда о советском говорю с уважением, – ответил Паулс. – Я исколесил весь СССР. И везде принимали хорошо! Мне нет никакого дела до рассуждений, какая там система? Для меня всё это на втором плане. Я так понимаю, национальная или политическая ограниченность не пойдет на пользу ни латвийской культуре, ни народу нашей республики. Я прошёл через огонь, воду и медные трубы. Поэтому в рамках политических обстоятельств веду себя, прежде всего, как порядочный человек. И стараюсь не делать того, что бы мне претило...

Потом как начал нахваливать:

– Ленинград – колыбель латышской культуры! Из него вся наша консерватория вышла: в Санкт-Петербурге учился Язеп Витолс – композитор, музыкальный педагог, основатель нашей национальной оперы и Латвийской консерватории. Там жил, работал и писал гимн Латвии композитор Карлис Бауманис...

Тут Евгений и подловил его «на эмоции». Примерно так:

– Раймонд Вольдемарович, можно представить, сколько у вас работы! Остается время для музыки?

– Очень мало. Но я всё равно сочиняю, выступаю, стараюсь выкраивать для этого время.

– А все-таки, у вас есть мелодия для души?

– Наверное, это мелодия из фильма «Долгая дорога в дюнах».

– А сможете прямо сейчас что-нибудь сыграть?

И что вы думаете? Паулс отвечает:

– Для вас – можно.

Встал, снял пиджак, подтянул вверх рукава сорочки, чтобы не мешали. Присел к роялю, открыл крышку, тронул несколько клавиш. Его руки замерли над инструментом. Я в эти несколько мгновений переместился на новую точку съёмки и успел записать первые ноты знакомой мелодии нашумевшей в начале 1980-х многосерийной теледрамы...

Класс, а не материал! Но не всегда и у Евгения выходило гладко.

Вия Фрицевна Артмане пообещала дать интервью прямо у нас в гостинице. Мы с Евгением головы «сломали»: как встретить знаменитую актрису, куда усадить, как снимать? В номере обстановка не годится. Забраковали и гостиничный холл, и ресторан. Вышли на улицу. Здесь светило майское солнышко. И неожиданно обнаружили чудесный скверик с кустиками, скамейками и красивой клумбой.

Решили, что без цветов никак нельзя. Недалеко в стеклянном киоске продавали только красные гвоздики. Взяли пять штук: три – как-то несолидно. Стоим на ступеньках гостиницы, посматривая по сторонам. И не заметили, как она подошла. Мы-то ожидали увидеть разодетую

королеву советского экрана и театральной сцены, а она – в обыкновенном платье, светлые волосы гладко зачёсаны назад. На первый взгляд, ничем не выделялась в толпе. Пока она не спросила: «Вы не меня ждёте?» – этот голос, практически лишённый местного акцента, был знаком каждому взрослому жителю Союза. Мы тут же узнали её красивое немолодое лицо без косметики. Выше среднего роста, статная – типичная прибалтийка.

Перед этим мы поспорили: кто будет задавать вопросы, а кто – снимать. Женька упёрся в то, что всю свою журналистскую карьеру мечтал взять интервью у народной артистки СССР. Думаю, ладно, опять уступлю.

Уселись они на скамейке. Женька неловко вручил ей цветы. Я камеру установил, в видоискатель вижу, взгляд у актрисы тревожный. Такая вся напряжённая, серьёзная. Спрашивает:

– А вы с какого телевидения?

– Мы из Сибири.

– Из Союза, значит, – наша гостья вроде бы расслабилась.

Евгений начал с комплиментов. Типа: вы – талантливая актриса, открытки с вашим фото продаются во всех киосках «Союзпечати». Как вы сами относитесь к своей славе?

Артмане выразительно на него посмотрела:

– Да? Вы всерьёз считаете меня талантливой? – и замолчала, опустив глаза.

Красносельский попробовал зайти с другого бока: мы все хорошо знаем ваши великолепные роли в фильмах «Родная кровь», «Никто не хотел умирать», «Сильные духом». Как вам удаётся создавать такие разные артистические лики?

Она отвечает:

– Не всегда роли, которые пользуются успехом у зрителей, у меня любимые, – и снова замолчала.

Мы с Женькой переглянулись. Он растерялся – не клеится разговор. Тогда я предложил по-быстрому поменяться, ему встать к аппарату. Она с удивлением наблюдала за нашими перемещениями. Я тогда ей сходу:

– Вия Фрицевна, мы понимаем, вас что-то смущает в нашей встрече, наверное, мы что-то делаем не так? Помогите понять...

– А вы разве не читаете латвийских газет? Или делаете вид, что ничего не знаете?

– Откуда? Мы никогда раньше не были в Риге. И по-латышски читать не умеем. Мы тут всего третий день... А у нас в Сибири вас просто боготворят!

Она вздохнула, слёзы в глазах. Говорит, думала, что знаю себе цену, что высоко летаю... Так меня сейчас опустили на грешную землю. Почти год – ни одной главной роли...

– Почему?

– Я не жалуясь, – отвечает. – Наверное, получаю то, что заслужила. Хотя я тоже люблю Латвию. Но, наверное, не так, как они, по-своему.

– Кто – они?

– Те, кто пришёл сейчас к власти. Не могут простить мне советского прошлого. А что в нём было плохого? Мы хорошо жили вместе. Теперь осуждают в газетах за то, что я народная артистка СССР, что при Советах возглавляла Союз театральных деятелей Латвии, была депутатом Верховного Совета республики, кандидатом в члены ЦК партии... Намекают, чтобы уезжала в Москву. А я никуда не поеду. Моя родина здесь!

Да, она играла и Екатерину Великую, и Елизавету английскую. И простых женщин. Только в кино больше сорока ролей! Люди должны это помнить, ценить!

– А мне говорят: «Мало ли что. У нас теперь другие законы!» А куда я, кроме театра, пойду?

И это интервью у нас состоялось. Хоть разговор вышел тяжёлый. Артмане поделилась мыслями о себе и творчестве, о доме и семье. О муже Артуре, который тоже был артистом, скончался около пяти лет назад. О сыне Каспаре, доставлявшем немало хлопот из-за выпивки. «Теперь, к моей радости, всё позади, он пишет музыку, тянется к Богу. А моя дочь Кристиана хорошо рисует, хочет быть художником». О друзьях и коллегах поговорили, которые не бросают, поддерживают в трудную минуту. Постепенно на её лице снова засветилась известная всему миру улыбка:

– Латвия – моя родина. Я её очень люблю. И очень люблю Союз, Россию. Спасибо вам, люди, что помните меня. Низкий вам поклон!

Евгений радовался за меня, как ребёнок. Он умел радоваться за успехи друзей. И за себя – тоже, за то, что всё записал и кадр не испортил.

А вот вдову Пикуля нам застать не удалось. И улицу нашли, и дом, и квартиру. Однако хозяйки не было. Мы её напрасно прождали несколько часов.

Улицы города, конечно, наснимали, архитектуру зданий столицы Латвии. Побывали на рижской телебашне. Там располагался ресторан, где прошёл заключительный ужин Дней Кузбасса в Латвии.

Потом в АИKe вышла наша передача под рубрикой «Глубинка». Мы так решили с Красносельским: по ассоциации с окраиной когда-то Российской империи, Прибалтикой, на всех парах рвущейся «в Европу».

...Совсем недавно – 12 января 2022 года – Раймонд Паулс отметил 86-летие. Я увидел постаревшего маэстро по телевизору. Он то ли возмущался, то ли ворчал о любимой Латвии: «Знаете, у меня такое ощущение, что мы стали глухой провинцией – не только для Запада, что само собой понятно, но и для Востока»...

10.

И всё же мы верили, что СССР выкарабкается.

Помню, возвращались из Риги в поезде и спорили об этом до хрипоты. А потом постепенно нить разговора взял в свои руки Аркадий Дахненко. Взаялся рассказывать про свою жизнь и судьбу. Родился на Украине – в станице Зимняя Днепропетровской области. Учился в России – в Ярославле. Работал сначала в Севастопольском театре, потом – в Краснодарской драме, в Омской, Тбилисской...

Образно излагает, сочно, остроумно. Все хохочут. Когда ещё такое услышишь?! У нас с Красносельским профессиональный симптом одновременно срабатывает. Он мне шепчет: включи камеру, а я давно её не просто так на коленях держу – Аркадия втихаря записываю...

Важные события в 1991 году сыпались, как из рога изобилия.

12 июня 1991 года выбирали первого президента России – РСФСР. Кандидатов было несколько. Я голосовал за председателя исполнительного комитета Кемеровского областного Совета народных депутатов Амана Тулеева. Красносельский, кажется, тоже был за него. Выборы выиграл Борис Ельцин.

Как говорится, не успели остыть от предвыборных баталий, стали готовиться к подписанию нового Союзного договора, который предполагал вместо СССР создание Союза Суверенных Государств. Событие должно было состояться в августе 1991-го в Москве.

Вместо этого 18 августа случилось ГКЧП.

Было воскресенье. По Центральному телевидению долго «гоняли» балет. Мы созванивались с Евгением, с Евгением Михайловичем, с нашими ребятами: что происходит? Что будет дальше? Как будем жить? Кто-то надеялся сохранить страну в прежнем виде, другим хотелось обновления. Настроение в дни ГКЧП было подавленное. Войны боялись. Гражданской войны...

Её удалось избежать. Гэкачепистов хватило всего на три дня. Подготовить «августовский путч» они толком не сумели, зато дров наломали.

Однако были потери и громкие отставки с назначениями.

Про московские отставки не буду. Напомню про наши, кузбасские. Ельцин отстранил Тулеева от должности предоблисполкома – руководителя Кузбасса, назначив 27 августа 1991 года главой Кемеровской области Михаила Кислюка. Тот в дни ГКЧП оказался в Москве – на крыше здания, где располагался Ельцин. Получилось, защитил президента с автоматом в руках от возможных нападений гэкачепистов.

И вот президент России объявил демократические реформы и настоящую свободу слова. Может быть, поэтому Кислюк сразу же принял решение о закрытии и ликвидации нашего АИКа.

Эта информация прозвучала, как гром среди ясного неба.

Как нам передали, Кислюк повелел прикрыть нашу компанию в ответ на трансляцию первого Всекузбасского съезда народных депутатов всех уровней, который организовал Тулеев с единомышленниками. «Новость» нам принёс руководитель ОРТПЦ Гандельман. Он получил команду лишить АИК эфира. Он развёл руками: а что я могу? Это приказ сверху...

Кроме того, нам сообщили, что директор Кемеровской студии областного гос-ТВ Митякин договорился (с кем?), что оборудование АИКа у нас будет изъято и передано областному гос-ТВ.

Что делать?

Мы срочно, за пару часов, всё демонтировали, упаковали в коробки и ночью Красносельский, Даньшин, Черемнов и иже с нами – через «задний выход» – вынесли всё оборудование из здания обкома, вывезли и спрятали по квартирам, мичуринским садам, гаражам.

Евгений Михайлович Баранов пошёл к Кислюку на переговоры. С неделю нас «мурыжили». Всё утряслось только после наших заверений, что в политику лезть не будем. Новый глава области самолично пришёл в АИК, выслушал наши обещания и «великодушно» разрешил продолжить...

И мы продолжили.

Снова начались командировки, передача за передачей. Больше того, у АИКа появились заказчики, которые готовы были платить за наши

репортажи, документальные фильмы, за рекламу продукции и услуг. Наш директор договаривался о съёмках, а мы ехали и снимали. Постепенно начал выстраиваться наш непростой телебизнес. Но время было труднейшее, широко развернуться не получалось.

Хотя, справедливости ради, отмечу: в городах Кузбасса стали одно за другим появляться новые СМИ: газеты, журналы, радио. Свои городские телекомпании начали активно вещать в Новокузнецке, Юрге, Кемерове...

А вскоре страна окончательно распалась. 8 декабря 1991 года Борис Николаевич с тремя коллегами подписал соглашение о прекращении существования СССР и создании СНГ. 25 декабря уgomонился и сложил свои полномочия первый президент СССР Михаил Горбачёв...

В последний рабочий день декабря в АИКе по традиции накрыли праздничный стол, чтобы проводить 1991-й.

Тосты запивали спиртом «Royal» (Рояль) – неимоверной крепости не то немецкого, не то польского происхождения и закусывали «ножками Буша», как народ прозвал куриные окорочка, которые во множестве теперь импортировали в нашу свободную страну из США. Настроение было...

Ну, какое тут может быть настроение?!

11.

А ведь самое трудное было ещё впереди. И заключалось оно не только в том, чтоб надо срочно переделывать учебники по географии и карты.

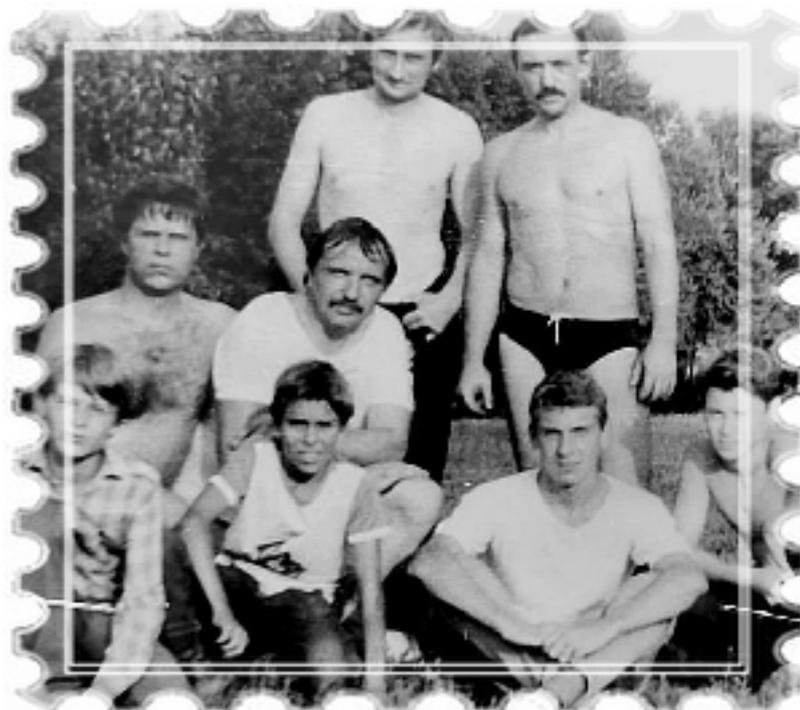
2 января 1992 года в России завязалась экономическая реформа правительства Егора Гайдара, получившая название «шоковой терапии».

Впрочем, было ясно, что одному Гайдару не под силу сломать основы советской экономики и промышленности. Ему на помощь пришёл Чубайс. Первое, что они сделали – отказались от государственного регулирования цен, предоставили право производителям устанавливать их самостоятельно. Президент подписал Указ «О свободе торговли». И началось: неуправляемый рост цен и безудержная инфляция.

Бывало, утром перед работой заглянешь в магазин – хлеб продаётся по одной цене, вечером идёшь с работы – цена на хлеб уже выше. Так что продукты стали покупать с утра.

Хотя угадать трудно, кисло шутили мы с Евгением: может «они» ночью стоимость продуктов накручивают?

В Кемеровской области, как грибы, выросли торговые точки. Теперь, куда бы мы ни приехали на съёмки, повсюду в глаза бросались свежее испечённые лотки, прилавки, киоски, базарчики, рынки и большие базары – на площадях, вдоль автотрасс, у остановок, перед магазинами, на стадионах и спортплощадках, в кинотеатрах, дворцах культуры.

Складывалось впечатление, что на производстве никого нет – все только торгуют. И неважно при этом – инженер ты или рабочий, учитель, врач или журналист, нет у тебя диплома или три высших образования. Сберкассы переименовали в Сбербанк, а советские сбережения, которые граждане хранили в них, просто «обнулили».

Новый российский рубль «измельчал» до такой степени, что Центробанк начал печатать новые купюры с немислимым количеством нулей. В АИКе зарплату стали выдавать толстыми пачками денег, которых едва хватало на неделю. Благодаря гиперинфляции мы все враз стали миллионерами. «Нищие миллионеры» – как вам такое словосочетание?

Как-то надо было выживать.

Большинство наших людей умели быстро приспособливаться к трудностям, выживая назло «строителям» рыночного капитализма в интересах тонкой «прослойки». Народ активно сеял и выращивал всё, что только можно: кур и кроликов – на балконах, поросят и бычков – в сараюшках, овощи и картошку – в садах и огородах, если есть, или – на колхозном поле, если своей землицы не было.

...Конечно, большинство семей страны выращивали картошку испокон века. Я, выросший в своём доме в шахтёрском Прокопьевске, сколько

помню себя с раннего детства, видел, как родители на любом свободном клочке огорода закапывали картофельные семена. А на исходе весны обязательно ездили садить картошку на поле. Отцу на шахте, где он работал подземным электрослесарем, как и другим шахтёрам, выделяли на колхозном поле делянку – обычно пять-шесть соток.

Не оставляли мы с женой картофельную страду, переехав в Кемерово. Красносельские тоже сами выращивали овощи для семейного стола. В общем, глядя на «разгул» ново-рыночной экономики, мы с Евгением решили весной посадить побольше картошки за городом. И чтобы делянки наши были рядом. Пошли с предложением к директору АИКа. Вскоре он сообщил, что с землёй договорился.

– Заводу одному на лето поле под картошку выделили, а мы старые знакомцы с их генеральным. Я ему про вас сказал, он «за». Только сюжетик про завод сделаете...

Я взял себе пять соток: хватит нам урожая на зиму. Евгений решил засеять десять соток.

– Излишки всегда можно продать, – философски прикинул он. – Да и детей кормить надо три раза в день!

Стали ждать весну, продолжая «делать эфир» АИКа. Следили, конечно, за мировыми и российскими новостями. 1 февраля 92-го года Ельцин и президент США Джордж Буш-старший подписали Декларацию о прекращении холодной войны. Тогда нам казалось, что это всерьёз и надолго.

К весне подковёрная борьба между Верховным Советом и президентом-правительством России перешла в открытую фазу: депутаты в открытую критиковали рыночные реформы Ельцина-Гайдара, считали их неприемлемыми. Поговаривали, что президент должен или подмять парламент страны под себя, или распустить непокорных депутатов.

Жизнь простых людей от этого не становилась лучше. Оттого в конце мая мы семьями выехали на поле.

Посевная прошла без особых приключений. Водитель АИКа Алик на редакционном «москвиче»-каблучке отвёз на место. На поле, размеченном деревянными колышками, отыскивали свои делянки. На колышках химическим карандашом незнакомая рука старательно вывела наши фамилии. Наши участки, как и просили, расположились рядом.

Женька на посевной приотстал. Во-первых, участок у него в два раза больше. Во-вторых, он же был, если кто помнит, большой любитель разговорного жанра. А тут, на поле, пусть маленькая, но стабильная аудитория, хоть и своеобразная – пятыми точками кверху, но уши-то у нас имеются. И вот Евгений – то налегает на лопату, то бросит её,

увлекательно повествуя очередную историю, вычитанную в газете или подслушанную по телевизору. Излагает с юмором, с остротами. Мы с Галиной хохочем, а жена Евгения, Татьяна подгоняет мужа...

Сибирское лето пролетело быстро. У нас с Красносельским шли бесконечные съёмки, монтаж передач, командировки.

А ближе к концу августа у нас намечилось необычное путешествие: снова предложили посетить за границу. Хоть и бывшую республику Советского Союза, но всё же! А дело было так.

Позвонил помощник начальника Кемеровской железной дороги Сергей и сказал, что с нами хочет встретиться начальник дороги Анатолий Михайлович Корячкин. Я, да и Евгений, этого Серёгу знали давно – товарищ он серьёзный, зря звонить не будет. Не откладывая, прибыли в высокий кабинет железнодорожного начальства.

Корячкин – немолодой симпатичный мужик в тёмно-синей с иголки форме с золотистыми звездными нашивками на рукавах – налил чаю с печеньками. И когда мы приступили к чаепитию, произнёс: «Помогите!»

Он коротко обрисовал проблему и предложил нам, тележурналистам, бесплатное путешествие на поезде в ближнее зарубежье – за счёт Министерства путей сообщения. В ответ мы должны снять что-то вроде фильма-репортажа о творящемся в этом самом зарубежье беспределе. Дело в том, что пассажирские поезда с российской территории, а конкретно, из Кузбасса, в республики Средней Азии уходили, надраенные, блестя стёклами вагонов, а возвращались обратно с разбитыми окнами, сломанными дверьми и полками, избитыми проводниками.

– С этим надо что-то делать! – удручённо говорил начальник дороги. – Мы несём огромные убытки, люди не хотят идти в рейсы, увольняются, а руководство страны не принимает мер. Однако тут нужны меры международного плана. Ваши съёмки должны дать понять, что нам самим с этим беспределом не справиться.

Договорились, что мы с Евгением выезжаем в начале сентября на поезде «Новокузнецк – Ташкент». В нашем полном распоряжении будет купе в резервном вагоне, где нет пассажиров и отдыхают свободные от смены проводники.

Первые сутки ехали тихо-спокойно. По очереди снимали на видеокамеру порядок в вагонах, пейзаж за окном, чёткую работу проводников. Записали небольшое интервью с начальником поезда, проводниками, несколько реплик пассажиров, многие из них ехали, в основном, в гости к проживающим в Казахстане или Узбекистане родственникам, которые теперь оказались за границей.

Как только отъехали от станции Локоть, что в Алтайском крае, и пересекли российско-казахскую границу, проводники забежали по

составу, готовясь к худшему. Никаких пограничных пунктов тогда ещё не было и границу пересекали свободно, безо всяких задержек. Начальник поезда – с седыми висками, в форменной фуражке – заглянул в наше купе, тревожно вздыхая, сказал:

– Скоро начнётся! Вы уж не высовывайтесь на всякий случай. Мы ваш вагон открывать не будем, пассажиров сюда не пустим.

– А как же договор? – напомнили мы. – Мы же по заказу дороги едем, Должны снять фильм, как разбивают российские поезда...

– Парни, вы о здоровье и безопасности прежде думайте! – перебил он.

– Не снимите, и ладно, главное, чтобы головы были целы.

– Неужели так серьёзно? – спросил Евгений.

– Сами всё увидите...

Первая станция на казахской земле называлась Аул. Подъезжая к ней, машинист дал протяжный гудок, и резко затормозил состав. Мы «прилипли» к окну в проходе. Видим, на перроне толпа местных жителей. В основном молодые парни с раскосыми глазами, многие в тёмных кожаных куртках. Размахивают руками, громко кричат. Женька приподнял стекло. Я взял камеру, осторожно приставил к окну, начал снимать.

Видим, как проводник соседнего вагона, у которого вчера брали интервью, пытается что-то объяснить наседавшим на него парням, загораживая вход в вагон. Те его медленно оттирают от входа, окружают со всех сторон и начинают бить. В воздухе мелькают кулаки, железные пруты. Слышим звон разбиваемых окон, в том числе у нас в вагоне. Местные кричат:

– Это наша земля! Нам не нужны билеты на этот вонючий поезд! Нам надо ехать, и мы поедем!

Местные штурмовали вагоны, по одному просачиваясь внутрь. Мы заметили, что некоторые из нападавших начали присматриваться к закрытым дверям и нашего вагона, осторожно закрыли окно. Вернулись в купе, заперев дверь на замок. Из коридора доносился звон разбиваемых стёкол, гул толпы. Неприятные ощущения...

Через несколько минут раздался гудок электровоза, состав двинулся вперёд. Мы боимся нос высунуть. Минут через десять в дверь купе постучали. Мы молча смотрим друг на друга. Потом слышим скрежет ключа в дверном замке и... на пороге начальник поезда. Вид у него взъерошенный: фуражка на затылке, волосы всклокочены, галстук сбился в сторону, ворот рубашки надорван.

– Ну что, видели?! – возмущался он. – Опять всё разбили, билетов ни у кого нет! Шестерых проводников избили... Понабились в вагоны. До Семипалатинска будут ехать или до Аягоза. И никакой милиции! Кому нужна такая работа? Сколько на «железке» служу, никогда такого не было...

– Да, – ответили мы. – Видели. Даже снимали кое-что...

Вышли в коридор: под ногами хрустит битое стекло, в разбитые окна дует ветер. В соседних купе обрабатывают ссадины пострадавшим проводникам.

Спустя некоторое время я осторожно прошёл по вагонам. Молодые люди восточной внешности заполнили нижние полки. Кузбасские пассажиры испуганно жались друг к другу, тайком поглядывая на владельцев независимой республики. А те громко что-то обсуждали на родном языке, громко хохотали и вызывающе поглядывали вокруг. Кое-кто даже курил, выпуская дым в потолок.

Мы с Женькой почти не выходили из купе. Снимали пейзажи за окном, питались домашними припасами и обсуждали, что страна на удивление быстро разбежалась по своим национальным квартирам, и ездить в ближнее зарубежье вообще стало небезопасным.

...К середине вторых суток проехали Капчагайское водохранилище, на десятки километров раскинувшееся в широкой степи. На краю горизонта красиво белели снеговые вершины гор. Казалось, что они висят в прозрачном воздухе, лишённые всякой опоры...

В Алма-Ате состав стоял минут сорок. Здесь всю жарило солнце. Мы ходили вдоль вагонов, сняли кадры пустых вагонных глазниц и пробитых в стекле дыр с паутиной трещин. Записали эмоциональные мнения пассажиров-очевидцев и пострадавших проводников. Удалось записать возмущённый монолог машиниста, который очень переживал за техническое состояние поезда.

До конечной точки – Ташкента – добрались без приключений. На земле Узбекистана никаких эксцессов не произошло. Нам сказали, что состав на четыре часа поставят на запасной путь. За это время поездная бригада проверит техническую часть, получит продукты для вагона-ресторана и постельное бельё, сделает уборку в вагонах, наскоро залатает разбитые окна.

– Давай устроим путешествие под Ташкентом, – предложил Женька...

Вывеска гласила «Ташкентский метрополитен имени Ленина». В кассе приняли наши российские рубли, на которые выдали жетоны для прохода. Станций вроде бы немного, всего на двух ветках – синей и красной.

Прошли на платформу станции «Ташкентская». Она выглядела грязновато, темновато и малолюдно, однако отделана красиво, с вычурной вязью мозаики восточных узоров на стенах и потолке.

Думаем, надо поснимать. Только начали расставлять наш небольшой штатив, подошёл милиционер, козырнул и вежливо предупредил на чистом русском, что снимать в метро запрещено. Осталось нам просто прокатиться на электричке. Едем, слушаем, смотрим. Некоторые станции носят привычные названия – «Комсомольская»,

«Пушкинская». На стенах станции «Дружбы народов» гербы всех пятнадцати – ещё совсем недавно – союзных республик СССР.

Катанием в метро наше знакомство с Ташкентом и закончилось.

На обратном пути мы сначала доехали до Капчагая, где задержались на пару дней у моих родственников, проживавших в ту пору в Казахстане. Они поведали, что город Капчагай покинули все военные российского гарнизона. В их доме проживало много семей офицеров – теперь все они выехали, бросив жильё, мебель и другие пожитки. Квартиры стоят пустые, их грабят банды из местной молодёжи, ломают замки, выбивают стёкла. Часть пустых квартир самовольно заняли семьи местных.

– На работе тоже неладно, – вздыхала наша тётушка. – На нас местные смотрят искоса. Говорят, мы – захватчики, что Россия много лет выкачивала отсюда все богатства. Многих наших увольняют с работы, особо тех, кто занимал хоть маломальскую должность. Люди теряют работу и бегут в Россию. Мы тут десятки лет живём, честно работаем. Среди местных столько друзей было! Сейчас никого нет, отвернулись. Мы и сами начали подумывать: переехать в Россию... Только тут работа, дом. А там что? Кто нас ждёт? Бросила нас Россия...

Через два дня мы, «отягощённые» капчагайскими фруктами и овощами, погрузились в состав «Ташкент – Новокузнецк». Начальник этого поезда, моложе прежнего, высокий мужчина в своем купе угостил нас чаем и рассказал, что наша с Евгением поездка уже дала результат. Хотя мы ещё и домой не успели вернуться.

Оказывается, именно в день нашего отъезда из Новокузнецка Министерство путей сообщения России подписало соглашение с Казахстаном о взаимной охране пассажирских поездов. Составы теперь впервые сопровождает служба охраны. Вроде бы приступила к делу и казахская транспортная милиция. Инциденты, правда, были, но порядка за эти несколько дней сразу стало больше: окна почти не бьют, проводников не трогают. А бесплатный проезд своих граждан на наших поездах казахские власти теперь не приветствуют, так как деньги-то пошли в их казну...

Говорит:

– У нас в отделении дороги про вашу командировку все знают. Все считают, мол, это телевизионщики помогли проблемы исправить. Вроде как с вашей лёгкой руки.

– Да мы ещё ничего не сделали, – смущённо разводим мы руками. – Нам чужой славы не надо!

А он нам:

– У нас говорят, если бы наш начальник дороги не пригрозил показать документальный фильм на всю страну, ничего бы не изменилось.

Вот такой итог получился у нашей командировки.

К сожалению, она стала последней нашей большой совместной с Евгением поездкой. И не менее интересной, чем многие предыдущие. Через два месяца наши трудовые стёжки-дорожки разошлись.

Но мы ещё пока не знали об этом. И вскоре после возвращения из зарубежа поехали семьями копать картошку. Ведь сентябрь уже перевалил за середину, и нормальные граждане собрали картофельный урожай.

Я ушёл из АИКа в ноябре 1992 года.

Как это бывает в жизни, в нашей телерадиокомпании начались перемены. Первым перешёл на другую работу Александр Даньшин. Потом Евгению Михайловичу Баранову предложили вновь встать на путь чиновника – возглавить управление делами областной администрации, и он согласился.

В нашем творческом коллективе возникли проблемы – начались разногласия с новым руководством. В результате и я тоже ушёл из компании, с тяжёлым сердцем покинул любимое детище. После этого занимался рекламой и маркетингом в ВАО «Кузбассимпэкс», которым руководил известный Михаил Иванович Найдов.

В отделе рекламы этого внешнеэкономического акционерного общества работал популярный журналист Виктор Иванович Сохарев. Он предложил мне совместно организовать выпуск спортивной информационной телепередачи для Кемеровской студии телевидения. Я согласился. Передачу мы назвали «Овертайм»...

С Красносельским виделись теперь редко. Иногда созванивались. Причём, всё время повторяли в телефонном разговоре одну и ту же устоявшуюся подначку, которую когда-то придумал Женька. Если он звонил мне, то, придавая голосу иностранный акцент, вкрадчиво приветствовал,:

– Здравствуй, Сергей Иоганович (?!)...

Если звонил я, то говорил ему, слегка картавя:

– Приветствую, Евгения-таки Борисовича!

Мы смеялись, довольные этим дурачеством.

Евгений продолжал трудиться в АИКе ещё два года – до перехода в городскую газету «Кемерово».

Я почти не помню телепередач, которые он делал в одиночестве. Разве что телеочерк памяти Аркадия Дахненко, заслуженного артиста РСФСР, актёра Кемеровского драмтеатра, умершего 7 апреля 1993 года, с которым мы вместе ездили в Ригу. Женька на полную катушку использовал те сокровенные видеок cadры, которые мы снимали в Латвии и в купе поезда. Очерк вышел душевным, тёплым,

пронзительным и насыщенным по содержанию, как это умел делать Красносельский.

Потом покинул АИК и Женя. После этого Агентство информации Кузбасса ещё некоторое время как-то просуществовало и тихо прекратило свою деятельность...

12.

Вспоминая о Красносельском, нельзя не вспомнить о его любимых занятиях.

Одним из них была любовь к общению с людьми. Я уже упоминал об этом. Но разве всё передашь в одном-двух абзацах, чтобы понять, насколько это было интересно, необычно и полезно?! Не побоюсь утверждать, что эта тема заслуживает отдельной главы.

Об этой черте Женькиной натуры среди коллег ходили разные курьёзы. Например, он мог запросто подойти к любому незнакомцу или известному человеку, хлопнуть по плечу и заявить ему, ошарашенному такой фамильярностью, что-нибудь типа: «Как считает твой лучший американский друг Марлон Брандо, все коренные американцы – это выходцы из Германии. Твои предки, наверняка, тоже были немцами. Не веришь?! Хочешь, докажу?» – и полчаса доказывал ему, ошеломленному, что его предки могли попасть в Сибирь только из Поволжья.

В дальних поездках он так увлекался, расписывая невероятные, часто смешные истории, что мог часами говорить без умолку, порой перескакивая с одной темы на другую. Про эту его особенность среди знакомых работников «пера и микрофона» ходила шутка: если едешь в командировку в одной машине с Красносельским, радио можно не включать. И будьте уверены, вся кампания в автомобиле, включая водителя, хохотала от души, слушая его остроумные «были и небылицы». Такой уж характер: ему всегда нужны были свободные «уши», неважно, внимают они его сентенциям или нет...

Между прочим, его любовь к «устному творчеству», бывало, и пользу приносила. Татьяна Красносельская, вспоминая о совместных с мужем студенческих годах, делилась в одной из газетных публикаций: «Обожала Женю за ум, за готовность протянуть руку, когда человек в отчаянии. Однажды вечером, когда он шёл в свою комнату студенческого общежития, увидел в коридоре парня. Лицо его... Скорее, не было лица. Всё сразу ясно: плохо человеку. Женя задержался. Стал рассказывать, какие люди есть на свете. Какие были. Читал ему стихи. Он будто бы боялся замолчать и стать неинтересным парню. Но нет, парнишка стал преображаться. У меня прошёл сон, сама заслушалась. К утру парень воспрял духом, согласившись, что самое страшное – это смерть. Все остальное – относительно. Они разошлись. Парень – спать. Женя – на экзамен. Я часто говорила своим детям, что, наверное, проще откупиться или выглядеть добреньким, дав денег взаймы. Труднее, когда ты отдаешь душу. Папа – отдавал...»

Вспоминая его невероятную общительность, умение обаять любого собеседника, тоже восстановил в памяти один случай, который, кстати, мы с Бединым до сих пор вспоминаем с добрым юмором.

Когда наша рижская командировка в мае 91-го подходила к концу, Евгений неожиданно предложил сдать в пункт приёма пустую стеклотару, которая скопилась за время нашей командировки в туалете нашего гостиничного номера. Мы с Владимиром Ивановичем Бединым не смогли его отговорить. Все наши аргументы – про Ригу и про пустые бутылки из-под спиртного – разбивались о его железобетонное упрямство: не пропадать же «добру»?!

Если помните, была такая традиция в СССР – сдавать стеклопосуду. Ничего постыдного в то время в этом не было. Короче, нагрузили пустыми бутылками сумки и пошли: Красносельский впереди, я и Бедин – за ним.

Нашли один пункт приёма – закрыт. Идём дальше. Обнаружили другой – не принимают, ящики кончились. Выявили третий – берут только молочные стеклобутылки.

Евгений не сдаётся. Взял за фалды какого-то мужичка, поведал ему про нашу нужду.

– Знаю! – встрепенулся мужик. – На улицу Негю, на Центральный рынок ехать надо. Там идеальная точка, всегда принимают, – и начал сбивчиво объяснять, как доехать до заветного места. – На трамвае! Тут недалеко десятый номер останавливается. В полчаса доберётесь. Там павильоны, в них не ходите. Рядом есть открытая территория. Вот тут и спросите...

Бедин кричит:

– Парни, давайте вернёмся, пока не поздно!

Женька отмахнулся. Короче, рванули на остановку. Бело-голубой рижский трамвай, действительно, домчал нас до места. Центральный рынок Риги – это грандиозное сооружение из пяти огромных полукруглых павильонов. Возле крайнего павильона большая площадка огорожена забором, на ней – цепь палаток и забегаловок с овощами, фруктами, одеждой, цветами, сувенирами, спиртным. Везде скамейки. В самом конце площадки мы обнаружили искомый объект. Вывеска двери одного из павильонов утверждала «Приём стеклотары». А очередь из трёх человек давала надежду на благополучное завершение предпринятой Евгением операции. Мы сумки на землю поставили.

– Я пойду к воротам, – решил Бедин, кисло улыбаясь. – Дурак я старый, что ввязался! В общем, у тебя, Женя, на всё про всё двадцать минут, иначе мы из Риги сегодня не уедем.

Он направился к выходу, я за ним. Вышли на площадь перед рынком, осмотрелись. Огромные павильоны впечатляли своими размерами, у каждого из них толчея. Самый крупный рынок Прибалтики.

Владимир Иванович без конца поглядывал на часы:

– Ну что он там тянет. Опоздаем на поезд... – и вдруг как захохочет. – Бегаем по Европе с пустыми бутылками... Ха-ха-ха... А у них тары нету... Ха-ха-ха...

А Женька всё не появляется.

– Сходи-ка ты за ним, – послал меня Бедин. – Пусть он, бросает к чёрту эту затею. Иначе опоздаем.

Я помчался к пункту приёма. Подбегаю и с удивлением обнаруживаю, что на входной двери висит замок. Осматриваю окрестности, вижу: знакомый затылок торчит из-за спинки ближайшей скамьи. Обогнул скамейку и увидел картину: Красносельский сидел вместе с долговязым парнем, который стоял впереди него в очереди. На лицах – благодушные улыбки. Между ними лежит газета, на ней наполовину пустая бутылка портвейна, два бумажных стаканчика, половинка сырка «Дружба» и остатки белого батона. Асфальт перед скамейкой заставлен пустой стеклотарой. Женька энергично размахивал руками перед лицом собеседника: «Если к нам приедешь, я тебе...»

Я ему:

– Ты что, забыл, нам же срочно надо ехать!? Там Бедин весь на нервах...

А он:

– Погоди-ка. Знакомься, это – Василий. Вася, это Сергей, мой товарищ и коллега, – вид у него расслабленный, будто торопиться некуда.

Я озверел было. А он:

«третьему поколению писателей Кузбасса» – воспитавшемуся в «Притомье».

В самые первые недели образования литстудии, здесь вели тетрадь, где записывали информацию о заседаниях. Юров тетрадь сохранил:

«Храню в своем архиве «Бортовой журнал» студии, общую тетрадь в клеточку, где заполнены лишь несколько первых страниц, – пишет он в своих записках «История общения друг с другом (три фрагмента воспоминаний)» в журнале «Огни Кузбасса» за 2007 год, № 2. – Жанр документа и отчёта как-то у нас не прижился. Мечтаю подарить эту тетрадь молодым литераторам будущего поколения, если они студию сберегут.

А сейчас интересно вернуться к истоку – обратиться к этим первым записям в «Бортовом журнале», ставшем историей.

...Следующая запись в «Бортовом журнале» сделана рукой поэтессы Нины Павлушиной. На заседании 19 ноября 1979 года отчитывался руководитель кемеровской литгруппы Владимир Ширяев, актёр В. Мирошниченко призывал писать для театра, лектор В. Плющев рассказал о международном положении... Читали стихи Виталий Крёков, Геннадий Чупин, Александр Катков, Владимир Советов, Семён Печеник. Евгений Красносельский порадовал своими пародиями...»

Вот так: «Порадовал своими пародиями». Ни больше, ни меньше!

Газета «Московский комсомолец» в Кузбассе» в 2019 году – к 40-летию рождения «Притомья» выпускала на своих страницах литературный разворот «Родная литература». В феврале, в первом выпуске – стихи. Литературную студию представили те, кто застал её начало и становление: А. Глазырин, Р. Евсеенко, Т. Рубцова, Е. Красносельский. «И в поэзии Женя был своим человеком, – уверен ветеран журналистики, поэт Олег Курочкин. – Хотя старался этого не афишировать».

Отмечу, что подвизался Евгений и в прозе. Я вычитал на одном из интернет-сайтов, что он – автор написанного в 1981 году фантастического рассказа «Последний солдат». Но найти рассказ мне не удалось...

Ещё одной его страстью был спорт. И не только шахматы, в которые он при случае с удовольствием играл. Больше других он любил игровые виды спорта. Прежде всего, конечно, футбол. Женька гонял мяч с детства – во дворе, на улице, возле школы. Причём, его действия на поле часто напоминали работу капитана и играющего тренера: расставлял игроков, руководил действиями команды. На поле он обычно становился лидером.

Ветеран газеты «Комсомолец Кузбасса» Владимир Михеев в эссе «Курсом первого капитана» написал о Евгении Красносельском: «Организатор и вдохновитель всех наших побед и ряда поражений, первый на Евразийском пространстве капитан-редактор, имея мариинскую закваску, обрёл почётное звание и олимпийский характер... В пылу борьбы капитан умел дойти до каждого и найти действенные слова».

Вадим Антонов, спортивный обозреватель газеты «Кузбасс»:

– Евгений Красносельский – игрок по натуре, а настоящий игрок на дух не переносит чиновничества, не лебезит, не признает формальные авторитеты, в его табели о рангах равны и начальник, и работяга. Его работа в газете, футбол в его исполнении – большая игра с корневыми шутками-прибаутками: «Десять лет Бутырки, старичок!» – фраза уроженца Мариинска, где открыт музей истории ГУЛАГа, не о сроке наказания, пусть и виртуальном, а о бесстрашно-философском отношении к жизненным катаклизмам.

Подлинную известность – уже в масштабе всей страны – принесла неистощимому на выдумки, настоящему любителю спорта Красносельскому идея проведения спартакиад журналистов Сибири.

Первая из них прошла в мае 1984 года. Её организаторы и участники до сих пор не забыли, сколько было приложено усилий и задействовано служб, чтобы в Кемерове, на спортивной базе производственного объединения «Азот», вступили в борьбу команды Барнаула, Новосибирска, Томска, Омска, Кемерова и даже Кургана! Волейбол, футбол, шахматы – такова была программа этих игр. И, конечно же, профессиональный конкурс кто лучше напишет репортаж обо всём происходящем. Первым победителем в этой номинации стал... Евгений Красносельский.

Кто только из легендарных кузбасских журналистов не соучаствовал в памятной спартакиаде. Редактор газеты «Кузбасс» Анатолий Бельчик вместе с тогдашним председателем областной организации Союза журналистов Виталием Банниковым командовали парадом открытия. Им активно помогали заведомом «Кузбасса» Виктор Моисеев, в то время собкор ТАСС Виктор Кладчихин и ещё многие. Евгений в эти дни старался успеть всюду.

Потом эстафету журналистского братства подхватили работники пера и микрофона Новосибирска, Омска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Томска. Командировки с состязаниями профессионального сообщества продолжались в течение шести лет. Увы, в лихие «девяностые» о спартакиаде журналистов Сибири пришлось забыть. Последняя состоялась в 1989-м. Не до неё стало. Постепенному возрождению журналистских спартакиад предстоит начаться гораздо позже...

Ещё одно спортивное детище Красносельского, о котором, уверен, в Кемеровской области знают все журналисты – футбольная команда «Гонорар-82».

Вот как об этом рассказывает активный участник игровых баталий, спортивный журналист, сотрудник газет «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Кемерово», «Земляки» Олег Курочкин:

– В начале мая 1982-го в одном из прокуренных кабинетов на седьмом этаже, где располагалась редакция газеты «Комсомолец Кузбасса», произошло событие, ставшее знаковым. Поиграв как-то в футбол на асфальтированной площадке редакционно-издательского корпуса «Кузбасс», группа журналистов: Евгений Красносельский, Лев Попов, Владимир Михеев, Константин Крекнин, Евгений Худобин, Александр Недашковский и автор этих воспоминаний, – пришла к мысли создать команду. Генератором идеи выступил Женя. Именно с его подачи и родился «Гонорар» с пометкой «82». А тесное содружество журналистов и полиграфистов (ныне, к сожалению, забытое, вытесненное новыми технологиями производства газет) привело в команду и работников издательства.

«Боевое крещение» журналистской дружины состоялось 15 июня 1982 года на стадионе «Химик» – в матче с артистами Государственного

академического Малого театра Союза ССР. Подобные матчи-шоу становятся традиционными. Спустя год соперником «Гонорара-82» стал другой столичный гость – Государственный академический театр имени Моссовета.

Особняком надо выделить поединок 14 июля 1986-го со знаменитым «Ленкомом», который прибыл на гастроли в Кемерово. Известные московские актёры Евгений Леонов, Олег Янковский, Николай Караченцов, Александр Абдулов и другие вышли на поле, чтобы сразиться с кузбасскими журналистами.

Кстати, желание организовать матч с этим театром возникло у Евгения Красносельского ещё и потому, что работники «Ленкома» – и артисты, и работники технических служб – в начале 1980-х тоже организовали свою футбольную команду «Авось» (по названию постановки «Юнона и Авось»). Даже несколько раз занимали первые места в турнирах между командами других театров.

И вот кузбасские журналисты вызвали «Авось» на игру.

– Помню в холле гостиницы «Кузбасс», – продолжает Курочкин, – встречу капитанов команд – Красносельского и Абдулова – накануне матча. Это была остроумная словесная перепалка двух темпераментов, достойная масляковского КВНа. Продолжилась она и в игре, между прочим, корректной. И после – во время «третьего тайма»...

А это – строки из публикации о памятном матче, которые написал для газеты «Кузнецкий рабочий» ветеран новокузнецкой журналистики Михаил Гревнёв:

«Гастрольный график «Ленкома» был плотнейший – по одному-два спектакля ежедневно. Но – по инициативе журналистов – театру удалось устроить и спортивные представления... «Ленком» приехал в Кузбасс в ранге не только самого популярного театра Москвы, но и чемпиона столицы по футболу среди театральных коллективов. «Гонорар» тоже был не лыком шит – победил на спартакиаде журналистов Сибири. Поединок двух чемпионов, как говорится, был неизбежен, тем более ленкомовцы, как выяснилось, и спортивную форму с собой прихватили – «на всякий случай».

Инициативу проявил известный журналист капитан «Гонорара» замечательный, фееричный Евгений Красносельский. Он написал несколько рецензий на ленкомовские спектакли и по-человечески сошёлся, а затем и подружился с Николаем Караченцовым, который и помог Жене организовать те матчи.

...Сам я матч не видел, потому живописать его не буду. Скажу только, что – по рассказам коллег – получился он очень упорным и завершился ничьей и что не последние роли в «Гонораре» играли

новокузнецчане – вратарь Сергей Чугурян и нападающий Валерий Немиров, забивший один из голов».

Матч состоялся на кемеровском стадионе «Химик». Погода тогда выдалась жаркой. Игрокам пришлось трудно – бегать по большому полю, обливаясь потом, забивать и защищаться, не имея при этом профессиональной подготовки. Хотя, как вспоминал потом капитан команды под странным номером «99» Александр Абдулов, их команда часто тренировалась в Москве после спектаклей на футбольном манеже «Спартак».

– Поначалу возникли разногласия с директором стадиона «Химик», – вспоминает актёр, член команды «Авось» Игорь Фокин. – Он не хотел выпускать нас на ухоженное зелёное поле, предназначенное только для игр команд мастеров. Капитан «Гонорара» Красносельский пытался уговорить директора, но без толку. Наконец были выдвинуты условия: определенное количество билетов на каждый спектакль. И конфликт был улажен.

Было очень интересно наблюдать за великими артистами. Играли они в полную силу, не халтурили. Евгений Леонов вводил мяч в игру – первым делал удар. Но потом на поле не играл, а сидел с Татьяной Пельтцер и Марком Захаровым на трибуне. Оттуда они и другие работники театра болели, кричали, поддерживали коллег. Комментировал матч журналист, режиссёр, спортивный обозреватель Илья Ляхов. Смешно импровизировал, шутил, зрители постоянно хохотали.

Как гласит футбольная летопись, счёт открыл кузбасский журналист Олег Курочкин. Но затем два гола подряд в ворота соперников забил работник сцены театра Александр Стаханов. Равновесие восстановил новокузнецчанин Олег Бизянов. Третий гол в ворота ленкомовцев забил журналист Валерий Немиров. А выравнял счёт Александр Абдулов. В основное время результат – 3:3. Серия пенальти тоже не выявила победителя – 4:4.

Капитаны команд Красносельский и Абдулов снова и снова вели своих игроков в атаку. Абдулов был очень раскрепощенным на поле. Брал игру на себя, но и мяч частенько терял. Александр Гаврилович так яростно хотел выиграть, что спорил и с судьями, и с соперниками, и с собственными товарищами. А по окончании ничейного матча расстроился до слез.

После футбола игроки, как водится у профессиональных клубов, обменялись футболками. Пот соперника – это святое. Решили, что нужно сыграть еще одну игру. На этот раз матч состоялся на поле у кемеровской школы № 62.

– Абдулов и Алфёрова привезли с собой в Кемерово крохотную собачонку Авоську. И так получилось, что весь матч она была за воротами нашего вратаря Валеры Качина и яростно его облаивала, – воскресил тот день в памяти Владимир Михеев. – Не знаю, раздражало это Качина или нет, но он пропустил в игре два мяча именно от Абдулова. Но победа тогда осталась за нами!

Женька не скрывал радости. Он ведь тоже не любил проигрывать. Нигде и никогда. Будь то футбольное поле, волейбольная площадка или шахматный столик, не говоря о сугубо профессиональном соперничестве. Он играл так же, как работал, – неистово, отдаваясь делу без остатка, не щадя своего сердца...

Неудивительно, что в память о Евгении Красносельском, организаторе и капитане уникального «Гонорара-82», в Кемерове ежегодно проводятся футбольные матчи. В них, продолжая семейную традицию, не раз участвовали в майках «Гонорара» и сыновья Красносельского – Евгений и Андрей.

14.

Первая половина 90-х годов для многих оказалась сложным временем разочарований, метаний и перемен. Вспоминать про эти трудные годы очень непросто. На таких сломах истории, которые выпадают на твою жизнь, очень явственно ощущаешь, как тесно судьбы людей увязаны с судьбой государства.

Помню, как в «Кузбассимпэксе» получал миллионы рублей, которые не позволяли дотянуть семье и до следующей полочки. Гиперинфляция была такой, что цены просто «галопировали». Как в конце 1992-го всем нам, гражданам России, выдали приватизационные чеки (ваучеры), чтобы «каждый гражданин мог приобрести часть какой-либо госсобственности и от своей доли получать дивиденды». Нас обманули, как всегда. Очень скоро на ваучер можно было купить только пару бутылок водки.

Федеральные телеканалы твердили о кризисе верховной власти. Верховный Совет России требовал импичмента Ельцина. Летом 1993 года на территории страны отменили деньги Банка России образца 1992 года. Законным стал только рубль образца 1993-го. Разве в этих условиях можно было хоть что-нибудь скопить?!

В октябре 93-го в Москве начались боевые действия между сторонниками парламента и президента. Танки стреляли по верхним этажам российского парламента. Были десятки погибших. Президент победил депутатов и начал готовить референдум по проекту новой Конституции РФ.

Молодой российский бизнес «трясло и плющило». И в «Кузбассимпэксе» приняли решение о ликвидации отдела рекламы – моего трудового «прибежища» после АИКа.

Евгений тоже не чувствовал спокойствия в «Агентстве информации Кузбасса». Подумывал о перемене места работы. Осенью 1993 года у него состоялась встреча с мэром Кемерово Владимиром Васильевичем Михайловым, на которой Евгению предложили возглавить кемеровскую городскую газету.

Издание было новое, его надо было «раскручивать». Для Красносельского с его опытом – дело знакомое. И он согласился.

Первая городская газета в истории кузбасской столицы увидела свет 9 февраля 1991 года. До этого у города никогда не было собственного периодического издания, а кемеровские события в основном освещала областная газета «Кузбасс». Между тем, все остальные города и районы Кузбасса имели свои газеты.

Решение об учреждении городской газеты было принято на сессии Кемеровского городского Совета народных депутатов 21-го созыва.

Вот мнение Владимира Михайлова, тогда его должность называлась – председатель кемеровского горисполкома:

– Время было... непростое. Хотя, наверное, каждый период можно так охарактеризовать в той или иной степени. Но тогдашние политические, экономические реформы многое переменили в стране и, конечно, в городе Кемерово. Рыночные отношения, приватизация жилья, массовый отказ предприятий от ведомственных детских садов и других социальных объектов... Людей нужно было постоянно информировать об очень насущных вещах: о ситуации с продуктами, тепло- и водоснабжением, о принимаемых органами власти решениях.

Так родилась идея создать своё, городское печатное средство массовой информации. Не бюллетень или многотиражку, которые были бы доступны только ограниченному кругу кемеровчан, а полноценную газету – профессионально сделанную, интересную, а главное, приносящую пользу людям...

К тридцатилетию газеты «Кемерово» её журналисты Лора Никитина, Надежда Горбачёва, Сергей Волков подробно рассказали историю своей редакции. Первый номер «Городской газеты» – так она сначала называлась – это синтез официального подхода к подаче информации и того самого драйва девяностых, который ни с чем не перепутаешь.

Здесь нет классических советских передовиц и скучных отчетов о заседаниях. А есть – живое интервью с первым лицом горсовета, заметки, написанные депутатами, и статьи на актуальные городские темы: работа транспорта, разбор читательских писем и подробные ответы на вопросы.

Первым редактором газеты «Кемерово» назначили журналиста Владимира Павлова. Он набирался опыта в топкинской районной газете «Ленинский путь», затем в газете «Голос труда» механического завода и «Заря» Кемеровского района. Вскоре его на этом посту сменила Тамара Хаистова, которая тоже прошла школу «многотиражной» журналистики: в газету «Кемерово» она пришла из «Заводской правды» – многотиражки завода «Прогресс»...

22 ноября 1993 года номер газеты подписал редактор Евгений Красносельский. Его совершенно справедливо представили коллективу, как одного из самых талантливых и известных медийщиков Кузбасса.

Женя взялся за дело энергично. Чувствовалось, что соскучился по настоящей работе, что не растерял редакторского опыта. «Харизматичный, инициативный, темпераментный, зажигательный», – так вспоминают о Красносельском ветераны газеты.

– Газета сразу сильно преобразилась, Красносельскому удалось вдохнуть в неё новую жизнь, наполнить энергией. Такой уж это был человек – умевший вдохновлять, – отметил Геннадий Перекрестов, в 1993-м году исполняющий обязанности управляющего делами администрации города Кемерово.

– Именно с его приходом газета обрела своё настоящее, узнаваемое лицо, – считает Григорий Шалакин. – В работу коллектива Красносельский внёс очень много нового. Сам работал отлично, и учил этому других.

В апреле 1994 года я перешёл в пресс-службу первого созыва Законодательного Собрания Кемеровской области. Председателем ЗС был, как известно, Аман Тулеев. Для областного парламента я начал делать новую еженедельную телепередачу под названием «Форум». Узнав о моём новом месте работы, Евгений стал «поддевать» меня своими шутками. Однажды мы встретились на пресс-конференции председателя ЗС:

– Старик, ты опять в чиновники подался?

Как мог, я отшучивался, спрашивал, как идут дела у него в редакции.

А редактор Красносельский сам горел новыми идеями и зажигал ими других. Он умел мотивировать команду, вспоминают ветераны «Кемерова». Умел приободрить того, кто слегка приуныл, своим знаменитым: «Старичок, не переживай!» На страницах «Кемерова» публиковались добротные репортажи, выходили рубрики «Экология души» и «О сокровенном». Журналисты шли на работу, как на праздник, и тиражи росли.

Основные газетные «перья» были настоящими мастерами журналистики Кузбасса. Про бизнес и экономику писал Петр Лавлинский. Блестящие материалы делали Василий Попок, Станислав Поляков, Владимир Шишватов, Анатолий Паршинцев, Андрей Воропаев, Владимир Соколов, Татьяна Красносельская. Людмила Ольховская вела рубрику «Арабески» – страничку, посвященную искусству.

Красносельский задавал тон этому созвездию. К примеру, 30 декабря 1993 года увидела свет первая в истории газеты колонка редактора.

«Мы все с одной планеты» – такой у нее был заголовок. Вот о чём писал в ней Евгений Красносельский:

«...Подобную (как 12 апреля 1961 года, когда Юрий Гагарин отправился в космос) радость я ощутил через двадцать лет, когда из материала астронома Евгения Долгих узнал, что открытая учеными Крымской обсерватории новая малая планета получила имя Кемерово.

С того времени многое переменилось. Не стало «братского содружества социалистических государств», перестал существовать СССР.

И лишь когда, устав от выборов и споров, выйдешь на балкон и долго смотришь в вечернее небо, вдруг начинаешь ощущать: где-то там вдалеке есть маленькая планета Кемерово, которая одинаково щедро дарит нам свой свет. Для неё есть просто люди со своими достоинствами или недостатками.

И, вспоминая о ней, понимаешь, как важно сохранить единство на Земле.

Наша газета не претендует на звание региональной, республиканской, межпланетной. Но, как та малая планета Кемерово, мы хотели бы на своих страницах собрать тех, кто не стыдится назвать себя КЕМЕРОВЧАНИНОМ. Мы будем продолжать уже полюбившуюся старую рубрику «Люди нашего города» и новую «Город и я», где будем выступать с конкретными предложениями, как улучшить Кемерово и нашу жизнь...»

В своей колонке редактор представил планы редакции в наступающем 1994-м. Советы по хозяйству («Как починить...»), подборки рецептов

(«10 блюд из капусты»), календарь и месяцеслов, гороскопы, кроссворды, афиши...

Но команду редактора Евгения Красносельского никогда не подводило чувство меры. Выживание – вот что интересовало людей сильнее всего. Где найти работу? Где заработать на жизнь? Каждый номер газеты старался помочь людям выжить...

– Главную задачу мы видим в том, чтобы газета «Кемерово» вошла в дома горожан не боевым листком, а газетой для всех, способной собрать вокруг себя как можно больше земляков, – писал редактор. – Ведь мы с вами люди одной планеты – Кемерово.

Ему не суждено было реализовать все свои планы и задумки.

8 августа 1994-го весть о кончине Евгения будто током ударила. Как же так?! Несправедливо! Ведь никакой долгой и продолжительной болезни... Сердечный приступ оборвал яркую жизнь.

Женька прожил всего 40 лет, но так полноценно, что хватило бы на десяток жизней.

Ушедшие друзья продолжают жить в памяти.

В моей памяти – Евгений Красносельский. Закрою глаза и вижу: вот он идёт навстречу – выше среднего роста, крепко сбитый, чуть сутуловатый. Походка моряка, который много дней был в походе. На лице – широкая улыбка. Слышу приглушённый баритон Женькиного голоса: «Привет, старик! Как дела?»

Сколько же всего пришлось на наши с ним совместные годы работы... Исколесили тысячи километров полевых, проселочных, воздушных, железных дорог и великолепных автобанов. Съели вместе не один пуд соли. Кажется, не осталось в Кузбассе города, большой или малой

деревни, куда бы ни занесла нас журналистская судьба. И в каждом поселении Евгений находил своих героев среди, казалось бы, вовсе не героических будней.

Он искал и обнаруживал и отдельные личности, рельефно выделяющиеся в общей массе своих земляков, и целые семейные династии, с добрыми делами и помыслами. И пропускал чужую жизнь через собственное сердце...

г. Кемерово,
февраль 2022 года.

Оглавление

Вместо эпилога.....	3
Главы	
1.....	4
2.....	9
3.....	13
4.....	16
5.....	19
6.....	28
7.....	30
8.....	35
9.....	37
10.....	45
11.....	47
12.....	55
13.....	60
14.....	64

Сергей Иванович Черемнов

**Ипостаси
Евгения
Красносельского
(Биографический очерк)**

Массово-публицистическое издание

(Электронная книга)

Компьютерная вёрстка автора

Создание pdf Илья Рожков

В книге использованы фотоиллюстрации из архивов Г. Ханзярова,
С. Черемнова, В. Макарова, А. Блотницкого, редакции газеты
«Кемерово», Internet

Подготовлено к публикации 05.03.2022г.

© С. Черемнов. – Кемерово, 2022.